

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES
SLAVICAE**

**МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ
ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ
STUDIES IN SLAVIC PHILOLOGY
SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN**

**SECTIO
LINGUISTICA
XXVIII
2009**

2010 APR. 07

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES SLAVICAE
SECTIO LINGUISTICA
XXVIII**

**SZEGED
2009**

PUBLICATIONES INSTITUTI SLAVICAE IN UNIVERSITATE SZEGEDIENSI

REDACTORES CONSTITUENTES:

József Juhász

Imre H. Tóth

SOCII REDIGENDI:

Ibolya Bagi, István Ferincz, Mihály Kocsis

REDIGIT:

Károly Bibok

SERIEM PUBLICATIONUM EDENDAM CURAT:

Henrietta Majoros

© Auctores, 2009

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged.

HU ISSN 0237-9554 Diss. Slav.

СОДЕРЖАНИЕ

Аврамова, Валентина: Архитектурный код культуры	5
Апйокне Мештер, Андреа: Вино као културолошки појам у српском и мађарском језику.....	17
Багмут, Ірина Віталіївна: Ядерні одиниці лексико-семантичного поля звуконайменувань у сучасній українській мові.....	25
Жерева, Мария Стоилова: Координация на комуникативната дейност при перформативното изказване в български език.....	37
Кочиш, Михай: Четвероевангелия XVI века в г. Ниредьхаза: Отрывки из рукописного собрания Греко-католической Духовной академии им. Святого Афанасия	45
Куглер, Каталин: Некоторые случаи метафоризации в современной публицистической речи.....	79
Сабо, Мартина Каталин: Критический анализ художественного перевода романа <i>Egy családregény vége</i> (<i>Конец семейного романа</i>) с венгерского на русский язык	87
Рецензия	
Firisz, Hajnalka: G. Neweklowsky (Hrsg.), Bosanski – hrvatski – srpski / Bosnisch – Kroatisch – Serbisch: Aktuelna pitanja jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca	99
К сведению авторов	103

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ

Валентина Аврамова

(Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, ФГН
Кафедра русского языка, valentav@abv.bg)

Язык является знаковой системой, главным объектом семиотики. Семиотика «находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений» (Степанов 2001: 5). Таким образом, языковой знак может рассматриваться как главное средство выражения культурного смысла. Языковой знак «есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разума, слова – воплощение разума» (Шпет 1989: 380). Культура и язык – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека. Языковое сознание, отображающее определенное мировоззрение, фиксирует в языке в виде ментальных моделей обыденную, или «наивную» картину мира. В языке в системе специфических для него образов, эталонов, символов, стереотипов, мифологем и т.п. опредмечивается мировидение и миропонимание народа, характеризующие его культурные традиции. Эти эталоны, стереотипы, символы закрепляются в устойчивых фразеологизированных сочетаниях, которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для каждой культуры менталитет, служащий для нее «духовной оснасткой», «психологическим инструментарием» (Гуревич 1984: 9), или кодом культуры. В.В. Красных считает (2002: 232), что «код культуры понимается как „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и „кодируют“».

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что языковой код культуры представлен вербализованными смыслами национального мировидения, имеющими символическую значимость.

Языковые репрезентанты культурного кода – это метафорические дериваты, регулярно порождающиеся в узусе. Исследования, основанные на русском материале, показывают, что чаще метафоризируются названия продуктов человеческой деятельности, нежели номинации явлений природы. Активно образуют метафоры названия артефактов (*бисер, бриллиант, зеркало*), имена действия (*акцентирование, бомбардировка, завоевание*), реже –

номинации явлений природы (*мираж, молния, паутина*), частей организма (*аорта, голова, горло, сердце, уши*), свойств (*серость, сухость, твердость*), состояний (*дремота, жажда*), единиц рельефно-ландшафтной лексики (*болото, гора, пропасть*) и т.д. Исследователи выделяют такие коды культуры, как соматический, зооморфный, ландшафтный, пространственный, временной и др. Культурные коды соотносятся с архетипическими представлениями национальной культуры, в этих кодах фиксированы наивные представления о мироздании. Коды культуры как феномен универсальны, они свойственны человеку как *homo sapiens*. Но универсальный характер носят только некоторые базовые коды культуры, выраженные метафорами, например, соматические или зооморфные. В принципе, удельный вес каждого кода в определенной культуре всегда национально детерминирован и обуславливается конкретной культурой.

Взаимоотношения двух семиотических систем – системы естественного языка и системы культурного кода – рефлектируют и на взаимоотношения имен, которые оказываются включенными в эти две семиотические системы. Таким образом, одно и то же имя, будучи единицей культурного кода, обладает значениями, которые в системе естественного языка могут отсутствовать, но это имя как единица культурного кода может иметь специфику, ср. «Знак (т.е. результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе» (Барт 1989: 78). Условно мы называем естественный язык первой семиологической (семиотической) системой, а культурный код – второй семиологической системой, в которых существует специфическая интерпретация имени. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить семантику таких единиц, как например, *лев* и *сосна* в «естественном языке» и в культурном коде. Согласно словарю С.И. Ожегова (1975: 292), львом называется «крупное хищное животное из семейства кошачьих с короткой желтоватой шерстью и с длинной гривой у самцов», а сосной – «войное дерево с длинными иглами и округлыми шишками» (там же, 690). При этом никак не указывается, что *лев* – символ царственной власти, светоносный символ огня и солнца, а *сосна* служит символом долголетия и бессмертия, стойкости и преодоления неблагоприятных обстоятельств.

Идея лингвокультурологического описания фразеологизмов принадлежит В.Н. Телия, а ее воплощение и дальнейшая разработка представлены в Большом фразеологическом словаре (БФС). В Предисловии к словарю Телия разрабатывает процедуру описания фразеологизмов. В собственно культурологическом комментарии рассматриваются: а) «соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с древнейшими пластами культуры: архетипическими противопоставлениями; мифологическими представлениями об устройстве мира; конкретными текстами ми-

фов; ритуалами [...]; а кроме того – с библейскими слоями культуры;» б) «соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с *фольклорно-литературными источниками*;» в) «соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компанентов с *кодами культуры*;» г) «соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с *видами тропов*;» д) «соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с „языком“ культуры, т.е. указание на ту роль, которую выполняет образ фразеологизма в целом или отдельные его компоненты как знаки языка культуры» (БФС: 772). Описать фразеологизмы, относящиеся к различным кодам культуры, в рамках нового, лингвокультурологического, подхода означает следовать данным алгоритмам описания, предложенным Телия, учитывая переход границы между собственно лингвистикой и лингвокультурологией.

Архитектурный код культуры тесно связан с построениями и их элементов. Архитектура основана на символическом понимании пространства. Она обращается к символическому смыслу здания, устанавливает соответствие между различными планами бытия и формами здания. Пропорции многих построек определялись символическим значением форм, которое во многих случаях сохранилось и в современных культурах и нашло отражение во фразеологической системе языка. В самых древних архитектурных памятниках – храмах – устанавливалась прямая соотнесенность между архитектурными пропорциями и космическими моделями и подчеркивалась идея духовного восхождения. В основе сложной геометрической символики храма лежит вертикальный вектор, соотносящийся с вертикальным принципом дерева, горы, в котором присутствует космическая и теологическая символика. Важную роль в архитектуре играет геометрическая символика космоса: все круглые формы выражают идею неба, квадрат – это земля, треугольник символизирует взаимодействие между небом и землей. Храм – архетипический архитектурный символ, в нем восстанавливается теоморфный принцип человека. Символика христианских храмов легла в основу символического восприятия частей дома, с течением времени она обогащалась и актуализировалась. Так, например, купол олицетворяет единство, дверь изображает барьер, через который могут пройти только посвященные, окно – это способ нашего восприятия мира, стены ограждают человека от опасностей, крыша – это милосердие, шпиль – божий перст, указывающий конечную цель человечества (Андреева–Куклев–Ровнер 1999: 49–53).

ДВЕРЬ

Дверь как единица культурного кода отличается двойной символикой, означая одновременно защиту и доступ.

1. **Открыть/открывать двери кому-чему-либо куда-либо, открыты/открывать дверь** означает 'дать свободный доступ куда-либо'. **Открытая дверь** означает 'освобождение и возможность', ср. болг. *всички врати са отворени за някого* 'все дороги открыты кому-либо, букв. – все двери открыты кому-либо'. Разрешение войти в жилище – символ признания своим, искреннее и доверительное отношение к входящему. До сих пор сохраняются обряды, связанные с переходом из статуса «чужого» в статус «своего», такими, например, являются встреча гостя, прием в дом невесты, встреча мужа после работы. Об универсальности данного образа в европейском мировидении свидетельствуют аналоги фразеологизма в других языках: фр. *ouvrir sa porte à qn (à qch)*, англ. *throw open the door to*, ит. *lasciare la porta aperta (per le trattative)*. Древняя символика используется для образования новых фразеологизмов, отвечающих новым ситуациям, ср. *при открытых дверях* 'с свободным доступом', *день открытых дверей* 'день свободного доступа в высшее или среднее учебное заведение с целью ознакомления с его профилем'.

2. **Закрыть/закрывать двери дома перед кем-либо, дверь чьего-либо дома закрыта** для кого-либо (книж.) означает 'отказывать в приеме, переставать принимать у себя дома кого-либо' по каким-либо причинам. Особенно жестким было проявление этого правила в аристократическом обществе: если кому-либо «отказывали от дома», то он никогда больше не был принятым этим обществом. Ср.: *Хотя это для меня и не легко, но я должна сказать вам, что с этого дня между нами все кончено и, несмотря на мое глубокое уважение к Ивану Андреичу, дверь моего дома для вас закрыта* (А. Чехов, Дуэль). Та же символика прекращения доступа к чему-либо находит выражение и в фразеологизме *при закрытых дверях*, имеющем значение 'на закрытом заседании, в присутствии только заинтересованных и должностных лиц, без посторонней публики'.

3. **Указать/указывать кому на дверь, указать/указывать дверь; показывать/показывать (на) дверь** означает 'выгонять, требовать, чтобы ушел, удалился, попросить кого-либо уйти' по причине неприятия его поведения или высказывания. Ср.: – *Как бы ему, шельмецу, приличнее на дверь указать, коли воротится?* (Ф. Достоевский, Двойник). *Когда бы мне он сделал предложение, Я молча, дверь ему бы указала* (А.К. Толстой, Дон Жуан). Образ фразеологизма связан с представлением о двери, разделяющей мир на «свою» и «чужую» части. Данный символ можно считать универсальным, ср. его употребление и в других европейских языках, болг. *посочвам някому вратана*, фр. *mettre qn à la porte, montrer la porte à qn*, англ. *show sy the door*, ит. *mostrare la porta*.

4. **Ломиться в открытую дверь, ломиться в открытые двери; стучаться в открытую дверь, в открытые двери** имеет значение 'утверждать, доказывать то, что очевидно, известно, против чего никто не спорит'.

В образе данного фразеологизма открытая дверь выполняет роль препятствия только в сознании совершающего это действие, его усилия становятся ненужными, лишними, так как доказывать очевидное, общеизвестную истину нет надобности – в этом случае открытая дверь становится как бы потерявшей со стороны субъекта. Ср.: *Доказывать современным читателям величие Чехова – значит ломиться в открытую дверь* (К. Чуковский). Такую же семантику имеют и фразеологизмы, употребляющиеся в других языках, например, болг. *блъскам/ритам срещу отворена врата*, фр. *enfoncer une porte ouverte*, англ. *force an open door*, ит. *sfondare una porta aperta*.

5. Фразеологизм *стучаться в двери чьи-либо, кого-либо, стучаться в дверь*, болг. *хлопам/тропам/чукам на вратата (портата) на някого / на нечия врата (порта)*, *вися пред вратата на някого* демонстрирует амбивалентность в своем значении. Наличие двойственности, по-видимому, связывается с жизненными ситуациями, когда к человеку приходит и плохое, и хорошее – неизвестно, что ждет там, за дверью.

5.1. Первое значение фразеологизма связано с поиском человека – ‘обращаться к кому-либо с просьбой о чем-либо, добываясь чего-либо, в поисках чего-либо’. Дверь выступает здесь в функции синекдохи – «дверь» – «дом» («человек»), который может помочь. Ср.: *Мы покинули его дом не для того, чтобы стучаться в его дверь просителями* (И. Тургенев, *Новь*). *Мне пришлось [...] начать стучаться в двери редакций в поисках работы* (П. Быков, *Силуэты далекого прошлого*). С тем же значением выступает и другая единица архитектурного кода – порог: *обить/обивать пороги чьи, кого-чего, у кого, где и без доп., обить/обивать все пороги, обивание порогов*, болг. *изтрия/изтривам, изтъркам/изтърквам, протрия/протривам прага*, ср.: *Они могли бы ему рассказать о том, что целый день обивали пороги комендатуры, что ездили за ним на электростанцию* (Э. Казакевич, *Дом на площади*), *Восемь лет беспрестанных усилий, переходов от надежды к разочарованию и от отчаяния к новой надежде. Восемь лет обивания порогов в королевских передних* (С. Узин, *Гремящий дым*). Образность проявляется в результате символического значения двери как элемента защищенного места и порога как границы, за которой существует знакомое, домашнее.

5.2. Во втором значении фразеологизм означает ‘неуклонно приближаться, надвигаться, наступать, быть в непосредственной близости’ (о чем-либо), также *быть (стоять) у ворот / у порога*. Ср.: *Реже в дверь мою стучится голод* (Н. Некрасов, *Последние элегии*), – *Товарищи!* – сказал он. – *Весна на пороге* (Г. Николаева, *Жатва*), *Теряя сознание, уже на пороге смерти, я тяжело застонал* (В. Беляев, *Старая крепость*).

ПОРОГ

Порог, отделяющий внутреннее пространство дома от внешнего мира, изначально служил одним из наиболее важных символов человеческой жизни. Порог символически разделял «мир живых» и «мир умерших». Все, что находилось за порогом, в древности считалось отчасти потусторонним, и это дало начало своего рода ритуалу перехода через порог и связанным с ним приметам. Некоторые из этих примет сохранились и в современном быту, например, через порог нельзя здороваться, через порог руки не подают, на пороге не стоят, через порог ничего не принимать – будет ссора и т.п. Во многих религиозных системах существует культ «хранителя порога», которого нельзя обижать. Среди хранителей порога, которых надо победить, чтобы переступить его, есть драконы, змеи, чудовища, собаки, скорпионы, львы и др. Они охраняют духовную сферу человека с тем, чтобы он не перешагнул бы слишком быстро или дальше, чем позволено, чтобы не познал больше дозволенного ему увидеть. Поэтому невесту переносят через порог, очевидно для того, чтобы обмануть «хранителя», внушить ему, что она здесь жила и раньше. Погружение в воду, вхождение в дремучий лес или в дверь являются символами порога, т.е. вхождение в опасное, неизвестное пространство. Символическое значение понятия порога развилось и в позднейших обиходных речевых оборотах: *на пороге зрелости, на пороге жизни, на пороге важного события* и т.п., очевидно, в связи с упоминавшимся культом «хранителей порога» и символикой границы, перехода. В некоторых случаях фразеологизмы с компонентом *порог* имеют значение 'начало чего-либо, какого-либо события'. Подобные образные сочетания являются специфическими для различных лингвокультур, поэтому они неравномерно распространены в различных языках или в сочетании используется различный образ. Например, *на пороге века*, ит. *alle soglie del secolo* невозможно в болгарском языке; *на пороге жизни*, болг. *на прага на живота*, фр. *le seuil de la vie*; *весна на пороге* в болгарском и итальянском языках не употребляется; *на пороге смерти, пред прага на смъртта*, в английском языке используется другой образ – *at death's door*, во французском языке образность отсутствует. Следует отметить также, что существуют специфические фразеологизмы с данным компонентом, в которых отображена национальная ментальность и национальное видение мира, например, рус. *до порога стыд, память* 'стыд, память недолговечны, мимолетны', *споткнуться на пороге* 'совершить ошибку, промах в самом начале какого-либо дела', *отметать с порога* 'нежелание аргументировать, обсуждать какой-либо вопрос'; болг. *прелива ми през прага* 'иметь всего вдоволь, у меня дом – полная чаша' и др.

1. *Не пускать на порог кого-либо* означает 'не принимать у себя в своем доме', остановив кого-либо у той границы, за которой начинается свое, домашнее, неприкосновенное пространство, ср. – *Пустой человек!* –

говорил про него дедушка [...] Кабы не семейный, и на порог бы к себе его не пустил (Н. Телешов, Крамола). В болгарском языке употребляется выражение *не пускам в къщата си някого* 'не пускать в дом кого-либо', в фразеологизме *да не си ми пристъпил повече прага* выражено скорее всего предостережение к кому-либо, который является нежеланным в этом доме, такая же интенция и в англ. выражении *don't darken my door again*.

2. *Переступить/перешагнуть/переходить (переступить/перешагнуть, перейти) (через) порог кого-чего-либо, чей-либо* означает 'приходить, входить куда-либо, к кому-либо, появляться где-либо, у кого-либо'. Имеется в виду, что если человек перешагнет порог, за ним его ждут обыкновенно неожиданные неприятности. Выражение употребляется в контекстах, в которых заложено ожидание чего-либо неизвестного, обыкновенно неприятного, или предостережение лицу или лицам, готовящимся совершить какое-либо важное для них действие, ср.: *Не понимают педагоги и понимать не хотят, что они, когда запрещают человеку, в виде наказания, переступить порог отцовского дома, то этим самым вгоняют его в скуку, тоску и апатию* (Н. Помяловский, Очерки бурсы), *Собери свои мысли и сосредоточься ранее, чем переступишь порог начальника. Иначе можешь оттуда вылететь наподобие резинового мячика* (К. Прутков, Заметки из «Сборника неоконченного»), *Едва переступив порог школы-интерната, новый директор Парфенов беспокоило спросил: – Как малыши? (Кр.) – Я достигну этого! Я его заставлю!.. иначе он не перейдет через порог этого дома!* (Ф. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели).

3. Основное символическое значение порога как границы, разделяющей последовательные действия, течение мысли, различные состояния, внимание и т.п., характеризует ряд выражений, в которых заложена эта идея. Например, *быть/находиться за порогом, ступить/уйти/пустить кого-либо за порог, не выходить за порог, стыд/память до порога*, ср.: *Была бы здорова, исходила бы все от села до села, [...] но сто болезней, а главное сердце, не пускают за порог, с самой зимы лежу* (И.), *Все великолепие языка, поэтические реминисценции, звукопись произведения остаются за порогом их сознания, потому что у детей еще нет достаточной речевой практики* (ЛГ), *[Анисья:] Уж и точно девичий стыд до порога, а переступила – и забыла* (Л. Толстой, Власть тьмы).

СТЕНА

Символика стены в ее значении преграды связана с символикой порога. Стена является символом перехода от внешнего, профанного к внутреннему, сакральному пространству в то время как калитка или ворота в стене обозначают проход из повседневности в область таинственного. Стена может также символизировать священное закрытое пространство, являясь

одновременно и защитой, и ограничением (ср. Китайская стена, Берлинская стена). Городские стены символизируют замкнутое пространство, дающее укрытие, это женское начало – символ центра и утробы; округлые стены идентифицируются с защитой, которую дает магический круг.

Стена, как и многие другие единицы архитектурного кода, является полисемичной, что находит отражение во фразеологических единицах с этим словом. В совокупности с другими словами-компонентами того или иного фразеологизма данная единица соотносится с такими кодами, как пространственный, соматический, акциональный и др. В создании фразеологических образов принимают участие различные метафоры: «пространственная» (*быть/находиться как за каменной стеной, сидеть/жить в четырех стенах, жить/находиться стена в/об стену*), «соматическая» (*и у стен есть уши*), «акциональная» (*прижимать/припирать к стене кого-либо*). Наибольшее количество фразеологизмов с архитектурным компонентом *стена* образовано с помощью «пространственной» метафоры.

1. *Быть/жить/находиться/чувствовать себя как (будто, словно, точно) за каменной стеной* означает ‘быть под надежной защитой, имея надежную опору; под покровительством кого-либо; чувствовать себя в полной безопасности’. Каменная стена символизирует укрытие, защищенность от житейских бурь и невзгод. Авторы Словаря русской фразеологии (СРФ: 549) считают оборот собственно русским, связанным с обычаем строить каменные стены вокруг городов и монастырей в целях укрытия и обороны от неприятеля. Ср.: *При муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила* (А. Островский, Бедная невеста), *Да мы за тобой как за каменной стеной, была бы только ты здорова, нужды не примем* (П. Мельников-Печерский, В лесах).

2. С символикой стены как защиты связан и другой фразеологизм – *как на каменную стену надеяться/полагаться на кого-что-либо*, употребляющийся в значении ‘вполне, целиком надеяться/полагаться’. Выражение также ассоциируется с возведением в древности крепостных стен вокруг городов для защиты от набегов неприятеля. В СРФ (549) приводится более старый вариант фразеологизма *надейся на меня как на городскую стену* (А.П. Сумароков, Пустая ссора), который свидетельствует о его древнем образовании и происхождении. Ср.: *В случае каких-нибудь непредвиденных дел и вообще насчет хозяйства я надеюсь на тебя как на каменную стену* (И. Тургенев, Два приятеля).

3. *Стоять стеной, встать/вставать стеной, стать/становиться стеной* символизирует одновременно и защиту и препятствие. В одном случае фразеологизм имеет значение ‘защищать, оборонять дружно кого-что-либо, встать в защиту кого-чего-либо’, например, *Не то важное дело, чтобы хлеб захватить, а то дело, чтобы стеной друг за друга стоять*

(Ф. Гладков, Лихая година). Стена, символизируя дружескую помощь, является и частью знакомого, близкого, домашнего, дом, где человек чувствует себя защищенным, ср. пословицу *Дома и стены помогают*. В другом случае в значении содержится идея препятствия: 'стоять, встать непреодолимым препятствием между кем-чем-либо', например, *Книга, вместо того, чтобы помочь ему в познании жизни, встала стеной между ним и жизнью* (Ю. Либединский, Комиссары).

4. Фразеологизм *сидеть/жить в четырех стенах* с компонентом *стена* имеет значение 'не общаться ни с кем, пребывая в одиночестве; не выходить из дома, из помещения; быть домоседом, не общаться ни с кем; жить/быть в узком кругу'. Символизируя отгороженность от окружающего мира, стены становятся и символом ограниченности в духовном аспекте, томительной, вынужденной остранинности от жизни социума. Символика стены клонит здесь к антропоморфному культурному коду, ср.: *Обстановка дома Луповицких поразила Дуню, до тех пор сидевшую в четырех стенах отцовского дома и не видавшую ничего подобного* (П. Мельников-Печерский, На горах), *И для чего мне томиться, для чего мне в четырех стенах жить? Для детей? А для них что я смогу?* (Г. Николаева, Жатва), *Эка тоска, господи!.. На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!* (А. Островский, Бедность не порок). Фразеологизм известен и другим европейским языкам, ср.: болг. *седя/живея/затварям се между четири стени*, ит. *stàrsene tra le quarto mura*. Однако фразеологизм фр. *entre quatre murs* имеет другое значение – 'с глазу на глаз'.

5. Символика стены как незыблемой опоры, которую нельзя отодвинуть, передвинуть, переходит в свой антипод в фразеологизме *припирять/припереть, прижимать/прижать к стене/стенке* (также *в угол*) *кого-либо* (прост.). Фразеологизм имеет значение 'ставя кого-либо в безвыходное или затруднительное положение, вынуждать признать что-либо или сделать что-либо, лишить кого-либо возможности отпираться, отрицать что-либо, уличить, разоблачить'. Например, *Константин Левин чувствовал себя нравственно припертым к стенке и потому разгорячился и высказал невольно главную причину своего равнодушия к общему делу* (Л. Толстой, Анна Каренина), *К концу он уже понимал, что бессилён противопоставить какой-либо веский аргумент, чувствовал, что несложными, убийственно простыми доводами припер его казак к стене* (М. Шолохов, Тихий Дон), *Савелий, прижатый к стене, разболтал многое* (Д. Мамин-Сибиряк, Верный раб). Фразеологизм известен и в других европейских языках, ср.: болг. *притискам до стената*, фр. *mettre qn au pied du mur*, ит. *mettere con le spalle al muro*.

6. Может быть, лишение возможности отступить назад связывает фразеологизм № 5 с символическим употреблением стены в фразеологизме

ставить/поставить к стене/стенке кого-либо со значением 'расстреливать', ср.: *Могли без вины и суда поставить к стенке; могли расстрелять, а могли и отпустить* (Б. Горбатов, Непокоренные).

7. Идея безвыходности, бессилия что-либо изменить, воздействовать содержится в фразеологизмах, в которых компонент *стена* символизирует не только неизбежность, но душевную глухоту, твердое нежелание внять совету. Фразеологизмы *как об/в стенку/стену горох/горохом, как (к) стене горох, что стене горох, как от стены горох, говорить как со стеной с кем-либо; что со стеной, что с ним говорить* (неодобр.) имеют значение 'не воздействовать, не оказывать никакого влияния на кого-либо (что-либо сказанное), бесполезно говорить, советовать кому-либо, ничего не действует на кого-либо'. Ср.: *[Каверин] сегодня признался мне в новых шалостях, о которых я ничего не знал. Советы ему, кажется, как в стенку горох* (Н.И. Тургенев, Дневник, 26 мая 1811), *Я просто растерялся. Говорить с этим Уордом – как об стенку горохом. Все иначе, чем у нас* (Ю. Герман, Дорогой мой человек), *Копейкин мой, можете вообразить себе, и в ус не дуешь. Слова-то ему эти, как горох к стене* (Н. Гоголь, Мертвые души), *Не уч, и сказать-то путно не умеешь! Говорить-то с вами – только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам дуракам* (А. Островский, Бедность не порок). Образность фразеологизма *как горох об стенку* основывается на весьма удачном выборе физического свойства именно этого овоща отскакивать от твердой поверхности и присутствует, пожалуй, только в русской лингвокультуре, ср. образность фразеологизмов в этом значении в болг. *говоря на стената/стените*, англ. *talk to a brick wall*, ит. *cóme parlare al muro*.

8. Фразеологизм *хоть головой об стену/стенку бейся* выражает значение 'отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения': *От боли-то, господин доктор, порошки оставьте. Без них хоть об стенку головой бейся, – упрашивал больной* (А. Степанов, Семья Звонаревых). Образность этого фразеологизма основывается на символическом значении стены как неизбежной, неразрушимой субстанции, невозможность преодоления которой вызывает чувство бессилия.

Анализ фразеологических сочетаний показывает, что языковое значение и культурное содержание фразеологизма обуславливаются национальным видением и расчленением мира в аспекте выраженной образности. Существующие универсальные фразеологические единицы фиксируют то общее, что существует у человека как *homo sapiens* вне зависимости от лингвокультурной области, к которой он принадлежит.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева, В. – Куклев, В. – Ровнер, А. (сост.) 1999, *Энциклопедия символов, знаков, эмблем*. Москва: Локид-Миф.
- Барт, Р. 1989, Миф сегодня. В кн.: Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс.
- БФС – Телия, В.Н. (отв. ред.), *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Москва: АСТ-Пресс книга, 2006.
- Гуревич, А.Я. 1984, *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство.
- Красных, В.В. 2002, *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. Москва: Гнозис.
- Ожегов, С.И. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1975, 11-е изд., стереотипное.
- СРФ – Бирих, А.К. – Мокиенко, В.М. – Степанова, Л.И. (ред.), *Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998.
- Степанов, Ю.С. 2001, Семиотика концептов. В кн.: Степанов, Ю.С. (сост.), *Семиотика: Антология. Сборник работ*. Екатеринбург: Академический проект, Деловая книга, Редакция газеты.
- Шпет, Г.Г. 1989, *Сочинения*. Москва: Правда.

ВИНО КАО КУЛТУРОЛОШКИ ПОЈАМ У СРПСКОМ И МАЂАРСКОМ ЈЕЗИКУ

Андреа Апјокне Мештер

(Apjokné Mester Andrea, H-1191 Budapest, Rákóczi u. 21. III/10.
andreamester@yahoo.com)

Када поредимо два језика, ми у ствари поредимо две културе. Ова тврдња произилази из схватања когнитивне лингвистике да појмовни системи не осликавају собом постојећу стварност већ наше виђење те стварности. Ово виђење одређено је нашим личним искуством али и културним наслеђем које човеку намеће неке конвенционализоване представе о томе шта је шта. Тако у ствари многе од категоризација универзума које смо усвојили имају конвенционални карактер у том смислу што су засноване на историјском предању и на важећим социјалним нормама, па су стога у великој мери специфичне за сваки дати језик (Ивић 2001: 183). Језик, дакле, представља поглед на свет који се огледа у култури народа који се датим језиком користи.

Поред преводилаца чији је задатак да у циљном језику пронађу одговарајуће еквиваленте језичких структура језика оригинала, поређењем речничког блага различитих језика бави се и контрастивна семантика. Оба начина поређења два или више језика довела су до истог, сасвим логичног закључка, а то је да се семантичка поља различитих језика ретко потпуно поклапају. Из овога произилази да су буквални преводи с једног на други језик практично немогући, јер језици носе у себи различите семантичке релације. Исте појаве и искуства се у различитим језичким заједницама другачије јављају, односно на различите начине осликавају стварност (Bańcerowski 2000b: 255).

Став когнитивне семантике јесте да сваки језик другачије врши категоризацију стварности, те стога превођење с једног језика на други не треба да се састоји од тражења еквивалентних речи већ преношење начина концептуализовања стварности из једног у други језик. Ове културолошке појаве највише долазе до изражаја у фразеолошким обртима, пословицама, изрекама, народној поезији и прози који стога представљају извор истраживања и поређења језика из семантичког аспекта. Физичка блискост култура, међутим, може да проузрокује сличности језичке категоризације стварности између два језика (Bańcerowski 2000a: 204).

Српска и мађарска култура, па тако и језици, већ вековима се развијају једни поред других. Мађарски језик припада угро-финској грани уралских језика, док је српски као јужнословенски језик члан индоевропске по-

родице језика, што поред типолошке разлике објашњава разлике између два језика у фонетском, морфолошком и синтаксичком систему. Близина ових култура, међутим, условљава сличности међу језицима на семантичком нивоу. Паралеле у когнитивној структури покушаћемо да прикажемо упоређујући у културолошком и језичком смислу појам вина у српском и мађарском језику.

Вино има јединствено место у културној историји човечанства. Осим своје гастрономске вредности оно, захваљујући свом истакнутом месту у хришћанској симболици поседује и изразиту спиритуалну вредност. Знамо да су људи већ у Египатском и Вавилонском царству садили винограде, док је у античко доба код Старих Грка постојао култ Диониса, бога виноградарства, вина и заноса, чију је улогу код Римљана имао Бахус. На то нас подсећа и српска реч *вино* која потиче од латинске речи *vinum*, док је њен мађарски еквивалент *bor* старотурског порекла.

Ниједно пиће нема тако истакнуто место у светској књижевности као вино. У мађарској књижевности вино се јавља већ у шеснаестом веку у песми Балинта Балашија *За винопију*, потом у осамнаестом веку код Михаља Чоконаи Витеза, да би постало стални мотив у поезији романтичара деветнаестог века, Верешмртија, Келчеија и Петефија. У српској народној поезији вино је неизоставни пратилац јунака Марка Краљевића, док је од српских романтичара најпознатији Бранко Радичевић по својој љубави према карловачким виноградима, берби, вину и весељу. Овај опојни напитака провлачи се кроз српску историју књижевности од Доситеја Обрадовића преко Косте Руварца све до *Вечитог младожење* Јакова Игњатовића у Сентандреји.

У књижевности двадесетог века истиче се међутим својом филозофском и метафизичком димензијом, али истовремено софистицираним и забавним стилем, есеј *Филозофија вина* мађарског есејисте, романописца и мислиоца Беле Хамваша. Овај есеј, као и остала Хамвашева дела, појавио се на српском језику у преводу Саве Бабића. У наставку рада анализираћемо превод имена различитих врста вина.

Погледаћемо најпре каква се речничка грађа заснива на речи *вино*. За вино се везује широк спектар лексичке грађе како у српском тако и у мађарском језику. Поред речи *вино* јављају се и деминутиви ове речи, који су у српском језику чешће у употреби него у мађарском. *Винце*, *винко*, *винашце* имају призвук нечег драгог, блиског, док постоје и шаљиве варијанте као што су *Винко Лозић* и *Винковић*, што свакако указује на вино као пиће које је омиљено међу људима који му на ове начине тепају. Једини деминутив речи *вино* који смо нашли у мађарском јесте такође фамилијарни, шаљив израз *borocska*. Постоје, међутим, други изрази који се користе за ово пиће благотворног дејства: *gondúzó*, *búkergető*, *búfelejtő* итд., који су у ствари метафоре. Облике аугментатива дате речи нисмо нашли у речницима мађар-

ског језика. У српском језику аугментативи ове речи, *винушина* и *винчина* имају пејоративно односно негативно значење. *Винчина*, наиме значи *лоше вино*, за које и мађарски језик има израз *vinkó*, као и *lőre*, од другог корена, или с придевом *silány bor*.

Од корена речи *вин-* (*bor*) у оба језика граде се изведенице, полусложенице и сложенице, које се по значењу могу разврстати у неколико група, али две најбројније групе чине група речи са значењем места и група речи које означавају људе. Наводимо примере за ове две групе.

Место посматрамо из два аспекта: место где се винова лоза узгаја – *виноград* – његови деминутиви *виноградац*, *виноградић*, затим *виногорје*, *винодол* и место где се вино прави или точи – *винара*, *винарија*, *винарница*. Важно је нагласити да назив биљке (*винова лоза*) од чијег се плода (*грожђе*) добија вино процесом врења, у свом мађарском еквиваленту (*szőlő, szőlővessző, venyige*) најчешће не садржи реч *вино*, већ назив плода (*szőlő*). Тако српској речи *виноград* и њеним синонимима одговарају мађарски изрази *szőlő, szőlős, szőlőskert* који указују на биљку и њен плод, али садржи и реч *башта*, *двориште* (*kert*). Оба језика имају изразе који садрже особине рељефа земљишта засађеног виновом лозом, горја у речи *виногорје* (*szőlőhegy, szőlődomb*) али само у српском и долине у речи *винодол*.

С друге стране, места где се вино производи, продаје и точи, а која се често међусобно подударају, у српском језику су следећа: *винара*, *винарница*, *виница*, *виноточ*, *виноточје*, *вински подрум*, а у мађарском: *borozó, borkimérés, borpince, borház*. Српска *винарница* или *винарица* је истовремено и назив *брода који превози вино* (мађ. *bort szállító hajó*).

У процесу настанка вина, од гајења лозе и прављења вина, преко његове продаје или точења све до потрошача, љубитеља и стручњака за вино, лексеме у српском и мађарском језику осликавају различите функције које људи имају у односу на вино. *Виноградар* и *виноградарка*, речи изведене од речи *виноград*, су мушкарац и жена који обрађују виноград (РСАНУ: 635). Даљи синоними са којима се срећемо су *виноградник*, *винограџија*, док у мађарском то може бити *szőlőtermelő, szőlőművelő, szőlősgazda, szőlész*, али због недостатка родова у мађарском језику, ниједан од ових израза не указује на пол особе, док речи различитог рода у српском показују да ни жене нису изузете из рада у виноградима. У овом, дакле, случају српски језик открива културно-историјску позадину више него мађарски.

Виноточа, *винолија*, *виноноша*, *пехарник* (мађ. *bortöltögető, pohárnok*) је онај који точи вино, службеник на средњовековном двору који је доносио вино и точио гостима (РСАНУ: 637). Постојање особе са задатком да точи вино показује важност чина и учесталост конзумације овог пића. На широку распрострањеност виноградарства и винарства као пољопривредне гране указује и посебан израз који се користио за порез који се плаћао на вино –

винарина, који се на мађарском каже *boradó*. Трговац вином је *винар* или *винотржач* (мађ. *borász, borkereskedő*), но изгледа да се значење речи *винар* (*borász*) временом проширило. Раније је то била особа која продаје/точи вино, међутим сада се јавља и у значењу ‘стручњак за вино’.

Поред речи које означавају особу која се бави гајењем винограда и производњом односно продајом вина, постоје у оба језика и именице које означавају човека који пије радо и много вина – *винопија*, и онога који воли да пије вино/који се разуме у вина – *винџија* (РСАНУ: 636). У мађарском језику овим изразима одговарају *borivó, borissza, borkedvelő*, од којих је прва, а по неким мишљењима и друга, настала од речи *вино* и *који пије*, те су тако и по творби сличне српском еквиваленту. Од *borissza* је уметањем речце *не* (мађ. *nem*) секундарно настала реч супротног значења – *bornemissza*, која означава човека који не пије, али се она данас најчешће може чути у функцији презимена. *Вински брат* је човек склон пићу, пијаница (Matešić 1982: 41); у мађарском постоје изрази *borbarát* односно *szesztestvér*, док негативну конотацију има именица *borissza*.

У српском језику вино се најчешће дефинише као алкохолно или опојно пиће које се добија врењем шећера воћних сокова, најчешће сока од грождја (РСАНУ: 633). У мађарском језику дефиниција вина не садржи придев *алкохолно* односно *опојно*, али се осим тога у потпуности поклапа са оном у српском. Међутим, управо одређење *опојно* указује на друго, пренесено значење вина у српском језику а то је ‘оно што изазива занос, опојност’.

Осећај омамљености који вино може да проузрокује јавља се у више фразеолошких обрта у оба језика. *Бити у/при вину* и *накитити се вина* осликавају утицај вина преко физичке близине субјекта и вина (субјекат је *у/при вину*, док кићење подразумева стављање нечега *на* нешто). *Винко Лозић/Лозовић* је шаљива варијанта за вино, одатле шаљив фразеолошки обрт *ударио кога Винко Лозић/Лозовић (у главу)* (Matešić 1982: 740), а постоји и *ударило кому вино у главу* (РСАНУ: 633), где се *глава* јавља у свом пренесеном значењу – ‘памет, свест’. У мађарском језику се срећемо са два фразеолошка обрта сличне конструкције, али они садрже супротне елементе: *fejébe száll a bor* и *lábába megy/száll a bor*. Овде *глава* има исто значење као у српској варијанти обрта, док ноге указују на други начин дејства вина на човека, те овај фразеолошки обрт можемо превести описним изразом *једва се држати* или *не моћи стајати на ногама (од пијанства)*. Следећи примери у мађарском језику односе се на човека који воли да пије вино: *jól tudja a bor útját; nem szereti a bort a szájában tartani; azóta szereti a bort, mióta rágni nem kell; csak kétszer szereti a bort meginni: ávemária előtt és ávemária után*. Да говорници мађарског и српског језика посматрају вино као опојно пиће види се и у следећим изразима:

Bort sem ivott/látott, (s) máris/mégis részeg = ‘понаша се као да је изгубио здрав разум’ (MSzK: 152)

Pijan bez vina = ‘lud’ (Карацић 1849: 27)

Посматрајући изреке и пословице о вину у српском и мађарском језику запажамо да је вино у њима средство помоћу којег на видело долазе истинске односно потиснуте особине људи. *In vino veritas* има свој еквивалент и у српском и у мађарском језику:

У вину је истина.

Borban az igazság.

Позитивна карактеристика вина у делу пословица и изрека јесте да има моћ да из човека извуче његову праву личност. То видимо у следећим примерима на српском:

Вино је душе огледало.

Вино налази речи.

И на мађарском:

A bor kimondatja az emberrel az igazat.

Megmutatja a bor, kiben mi lakik.

Nincs a bornak titka.

Истовремено, вино јача особине које без његовог утицаја нису карактеристичне за човека који пије.

Вино и мудрога побудали.

Вино и старца заигра.

У мађарском смо нашли више пословица и изрека ове врсте:

A bor a némát is megtanítja szólani.

Még a vénembert is táncba viszi a bor.

A bor erőt ad.

Међутим, у пословицама и изрекама које наглашавају добар утицај вина на човекову личност обично осећамо и благу иронију, што им даје негативну конотацију, те слутимо да се вино и трезвена мисао међусобно ис-

кључују. На то указује фразеологизам *a bor beszél belőle / csak a bor mondatja vele*, као и следеће изреке:

*Ahol a bor az úr, ott az ész koldulni jár.
Az okos embert is eltántorítja a bor.
Bor be, ész ki.
Nincs olyan bölcs, kit a bor meg nem bolondít.*

*Вино нити, а не опити се.
Нит је било, нити бити може.*

Сличности између српског и мађарског језика у семантичким релацијама налазимо и у односу вино – вода. Ево неколико примера из мађарског језика:

*Vagy bor, vagy víz!
Vizet prédikál, s maga bort iszik.
Otthon vízzel, másutt borral.
Nálunk is vizezik a bort.
Ha bort nem találsz, sört vagy vizet igyál.*

Први израз има значење ‘одлучити између две могућности, два супротна правца’, док се други односи на човека који једно говори а супротно томе делује. Дакле, у прва три примера вино и вода су у опозицији у реченици, као две супротне ствари, две супротне радње. У четвртом примеру вода се јавља у негативном значењу, јер квари квалитет вина, док из петог ишчитавамо постојање хијерархијског односа између три течности, а вино је на првом месту у тој хијерархији.

У српском језику такође налазимо опозицију вина и воде. Наиме, израз *ни вода ни вино* односи се на превртљивог, безличног, непоузданог човека који се налази негде између две крајности, овде представљене појмом воде и вина.

Вина можемо да поделимо по боји, по укусу и по пореклу. Српски језик разликује *бело* и *црно* вино, док у мађарском постоји *бело* (мађ. *fehér*), али уместо *црног*, јавља се *црвено* (мађ. *vörös/piros*). Што се укуса тиче, у оба језика постоје термини за *суво* (мађ. *szárász*) и *слаатко* (мађ. *édes*), као и израз *чисто* (мађ. *tiszta*) за неразблажено вино, мада ту српски језик користи и израз *цело*. *Чисто* и *цело* су позитивни придеви, што значи да су таква вина по квалитету боља него она водом разблажена, што потврђује опозицију вина и воде у српском и мађарском језику. *Криштено* вино је вино разблаже-

но водом. Порекло овог израза вероватно је у вези са чињеницом да се при обреду крштења, дете полива водом.

Б. Хамваш у свом каталогу вина детаљно описује карактер вина различитог порекла. Две основне групе чине:

– вина са песка (мађ. *homoki borok*): *kecskeméti, kiskőrösi, csengődi, soltvadkert, csopaki, arácsi, füredi* (Hamvas 1945: 246–248);

– брдовита вина (мађ. *hegyi borok*): *gyöngyösi, villányi, balatoni borok, szekszárdi, hegyaljai, egri, badacsony, Szent György-hegyi* (Hamvas 1945: 250–253) итд.

Називи набројаних вина потичу искључиво од места где она настају, те су мађарском читаоцу блиска, како у физичком и географском тако и у језичком и културолошком смислу. Стога је њему јасно да под терминима *kecskeméti* или *hegyaljai* писац подразумева врсте вина. Међутим, просечни читалац српског превода не поседује предзнање о местима у Мађарској која су позната по својим винима, те није сигурно да ће знати да су *csopaki* и *szekszárdi* познате врсте вина. У оваквим случајевима преводилац мора да се у преводу послужи додавањем речи *вино* и на местима где се она у оригиналу не налази: *кечкеметско вино, вино из Хеђаље, вино из Чонака, сексардско вино* (Хамваш 2000: 248–251) итд. На овај начин могу да се премосте разлике у културолошком предзнању између читалаца на мађарском и српском језику.

У обреду наздрављања пиће је веома важан елеменат. То пиће на терену Балкана, па тако и код Срба, може бити вино или ракија. Вино, као и друге врсте пића којим се наздравља, у тексту здравице користи се за формулу која представља условну конструкцију и изражава жеље за добрим приносима, успехом и благостањем домаћина, или се њиме „гата” какво ће време бити у наредној години:

Ево ме с вином! Ако буде винце виновито бит ће љето кишовито, ако буде виноквас бит ће нама бољи глас. (Петровић 2006: 61)

Вино, дакле, у народу има улогу средства за предвиђање временских прилика. Ово потврђује и народни израз *виножито* са значењем ‘дуге на небу’. Назив за дугу је *виножито*, јер се по њеним бојама нагађа хоће ли те године бити више вина или жита (РСАНУ: 636).

У мађарском се такође јавља вино у тексту здравице: *bort, búzát, békességet (jó asszony feleséget)* (MSzFSz: 15). Овде се, као и у српском језику, вино јавља у пару са пшеницом или житом, што свакако указује на изузетно важно место које ова два појма имају у обема културама.

У овом раду покушали смо да одредимо појам вина у српском и у мађарском језику поредећи примере лексема, фразеолошких обрта, изрека и

пословица везаних за овај појам. На основу одабране и приказане грађе дошли смо до закључка да у семантици овог појма, поред неких размимоилажења, има много додирних тачака између ова два језика које би могле бити део даљих истраживања на тему модела света мађарског и српског језика.

ЛИТЕРАТУРА

- Ивић, М. 2001, *Правици у лингвистици 2*. Београд: Библиотека XX век.
- Караџић, В. 1849, *Српске народне пословице*. Београд: Просвета–Нолит.
- Петровић, Т. 2006, *Здравица код балканских Словена*. Београд: САНУ, Балканолошки институт.
- РСАНУ – *Речник српскохрватског књижевног и народног језика 2*. Београд: САНУ, Институт за српскохрватски језик, 1962.
- Хамваш, Б. 2000, *Филозофија вина*. Београд: Центар за геопоетику.
- Bañcerowski, J. 2000a, A halál mint kultúrfogalom a magyar és a lengyel nyelvben. *Magyar Nyelvőr* CXXIV, 204–209.
- Bañcerowski, J. 2000b, *A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései*. Budapest: ELTE, Szlav és Balti Filológiai Intézet, Lengyel Filológiai Tanszék.
- Hamvas, B. 1945, *A bor filozófiája*. Budapest: Medio Kiadó.
- Matešić, J. 1982, *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: IRO “Školska knjiga”.
- MSzFSz – Vajda, J. – Burzan, M., *Magyar–szerbhorvát frazeológiai szótár*. Újvidék: Bölcsészettudományi Kar, Délszláv Nyelvek Intézete, 1984.
- MSzK – Mózes, I. M. *Magyar szólások és közmondások*. Budapest: Horizont Kiadó, 2001.

*Присвячується професорові Ганні Олександрівні Козачук
з нагоди її ювілею*

ЯДЕРНІ ОДИНИЦІ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОГО ПОЛЯ ЗВУКОНАЙМЕНУВАНЬ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Ірина Віталіївна Багмут

(Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, ІУФ, Кафедра
української мови – Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
i_bagmut@ukr.net)

Про багатство навколишнього світу людина дізнається через п'ять зовнішніх органів чуття: зір, слух, смак, дотик, нюх – для опису яких у мові наявні спеціальні лексичні одиниці. Значне місце в цій групі посідають лексеми, які передають номінацію звуку, – звуконайменування, або акустими. Завдання статті – з'ясувати структурно-семантичні особливості центральних акустем, які творять ядро лексико-семантичного поля звуконайменувань (далі – ЛСПЗ) у сучасній українській мові.

Проблеми системної організації лексичного складу, семантики стали об'єктом дослідження у працях українських – О.О. Потебні, Л.А. Лисиченко, В.М. Русанівського, О.О. Тараненка та ін. – і зарубіжних мовознавців – Й. Тріра, Л. Вайсгербера, Є. Куриловича, Ю.Д. Апресяна, Г.А. Уфимцевої, Ю.М. Караулова, Й.А. Стерніна, А. Вежбицької, С.Г. Шафікова та ін.

Питання про те, як повинні бути розподілені слова всередині семантичного поля, суперечливе, і універсальної схеми поділу, вірогідно, не існує. Підставою для побудови ієрархічних відношень у ЛСПЗ є семи різного ступеня абстракції та семми різного рівня, а також виконувана номінативна функція (зважаючи на назву поля та граматично неоднорідний склад).

Номінативна функція властива окремим частинам мови не в однаковій мірі (Кубрякова 1978: 85). На цій підставі у розширеному ЛСПЗ одні з його мікрополів є ядерними, а інші – периферійними. Ядерними у досліджуваному полі є іменникове та дієслівне мікрополя, прикметникове та прислівникове мікрополя належать до ближньої периферії.

Вивчаючи механізми формування лексичної системи людини, О.О. Залевська зазначила, що основне місце в лексиконі людини посідають іменники (про це детальніше див. Залевская 1977). Це узгоджено з припущенням про первинність іменника як в онтогенезі, так і в філогенезі (Мигирин 1973: 231–232). На відміну від інших частин мови іменники називають ознаки, дії або стани самостійно, незалежно від тих предметів і явищ, для яких харак-

терні ці ознаки або процеси. Іменникам властива абсолютна номінативна значимість, між тим як значимість інших номінативних частин мови послаблена їхніми позитивними синтаксичними ознаками і одночасно їхньою зниженою здатністю виражати зміст інших частин мови (Kuchař 1968: 123).

Номінативна функція дієслова відрізняється від номінативної функції іменника. Доказом цього є семантика дієслова, визначена через предметні імена, сполучувані з ним, і аналіз відношень між дією і його суб'єктом або об'єктом. Натомість субстантивні лексеми самодостатні і для визначення їхнього денотата, і для встановлення сигніфікату. Пор., наприклад:

- (1) *Співав козацький табір у діброві* (Д. Павличко, I, 206).
- (2) *Львівський брук – це не затвердла тиша. Чути в ньому стогони і крики Споконвічних битов і трагедій, Регім гнома, дзвін сльози титана* (Д. Павличко, II, 34).

Отже, дієслівні акустими виконують “квазіномінативну” функцію (Kuchař 1968: 123), однак це не заважає розташувати дієслівне мікрополе в ядерній частині ЛСПЗ, бо дієслово як основний клас ознакових слів найчіткіше протиставлене іменникові – класові слів на позначення предметів (Вихованець 2004: 217). До того ж, дієслова мотивують переважну більшість іменникових звуконайменувань.

Серед сукупності звуконайменувань як ядерні виокремлено прямі номінативні звуконайменування. Семемам із прямим значенням властивий безпосередній, неопосередкований номінативний зв'язок із позначуваним. Ці ЛСВ стабільні, найбільше зумовлені парадигматичними зв'язками. Денотативний характер таких семем збережено в пам'яті носіїв мови у повному складі з усіма основними та неосновними семами. До ядра також віднесено номінативно-похідні ЛСВ, які мають вужче, конкретніше значення стосовно основного номінативного.

Ядерні акустими ЛСПЗ поділено на чотири зони, кожна з яких має акустими іменникового та дієслівного мікрополів. Відповідно до виконуваної іменниками і дієсловами номінативної функції, ближче до ядра розташовано іменникові звуконайменування, далі – звуконайменування, що представляють опредметнену звукодію, і дієслова.

Зі структурного погляду ядерні акустими поєднують найтиповіші форми й значення, широко вживані й активні в певний історичний період. У них сконцентрована основна інформація про семантичні ознаки поля. Їх називають також опорними, центральними, словами-домінантами (детальніше див. Звегинцев 1957; Уфимцева 1962; Маслов 1975).

Усі ядерні одиниці ЛСПЗ мають такі спільні риси: 1) психологічна важливість для носіїв мови; 2) пряме значення; 3) стилістична нейтраль-

ність; 4) конотативна нейтральність; 5) у своєму складі мають графему 'предметність' або 'процес'.

У межах аналізованого поля виокремлено ядро у вузькому та у широкому розумінні. Ядро у вузькому розумінні – це частина структурної схеми ЛСПЗ, одиниці якої безпосередньо пов'язані з архісемою, є основою для розуміння усіх інших звуконайменувань і творять першу зону ядерної частини поля.

Одиниці **першої зони** – це одиниці глибинного рівня поля, фундамент структури, елементи якої мають такі ознаки: 1) представлені первинно-номінативними ЛСВ (наприклад, *рокіт* "розкотисті звуки, що зливаються в монотонне звучання" (СУМ: VIII, 874)); 2) виражають узагальнений смисл (наприклад, *зук* "сукупність багатьох звуків різної частоти й сили" (СУМ: II, 190)); 3) значення не є вужчим за яке-небудь інше слово поля, окрім домінанти – теми ЛСПЗ (пор., наприклад, акустему першої зони *крик* "сильний різкий звук голосу" (СУМ: IV, 344), другої зони *рев* "гучний, протяжливий крик тварин(и)" (СУМ: VIII, 469), третьої зони *лемент* "крик тварин, птахів і т.ін." (СУМ: IV, 475) і четвертої зони *рик* "сильний рев тварин (переважно свійських), злісне ричання (хижаків)" (СУМ: VIII, 533)); 4) мають широку сполучуваність і найоднозначніше відображають сутність поля; 5) безпосередньо пов'язані з домінантою і проявляють самостійність лексичного значення, тобто відсутність тлумачень через інші акустем (наприклад, *свист* – 'звук + різкий + високий + сильне видихання повітря + стулені губи/зуби'); 6) глибинну структуру творять постійні ознаки одиниць поля (наприклад, *вуркіт* – 'звук (/архісема/) + несильний (/інтенсивність/) + низький (/висота/) + переливчастий (/тембр/, /характер/)'); 7) через них сформовано всю ієрархічну структуру поля (наприклад, *звук* – *шум* – *тріск* – *хрускіт*); 8) переважна більшість одиниць має статус домінанти синонімічного ряду, бо в їхній семантичній структурі не помічено додаткових (уточнювальних) сем (пор., наприклад, *дзвін* і *бевкання*, *бовкання*, *чахкання*, *чохкання*, *благовіст*, *калатання*).

За даними науки і практики, людина сприймає не просто звук, а звук певної якості, звук диференційований за певними критеріями. В усіх акустемах першої зони як основні виступають якісні ознаки /інтенсивність/, /висота/, /тембр/, /характер/. Кількісні ознаки (/тривалість/, /кількісний прояв звукового ефекту/) є другорядними. Акустемі нейтральні щодо вияву у своїх значеннях семантичної ознаки /джерело/.

Компонентний склад іменникових одиниць першої зони має таку структуру:

I. /Інтенсивність/ звучання представлена антонімічними семами 'сильне'/'несильне'. За цим компонентом акустема *вуркіт* протиставлена акустемам *крик* і *свист*. Решта акустем зони позначають абстрактний вияв

цієї ознаки, бо будь-який звуковий сигнал має певну інтенсивність. Це забезпечує відповідним акустемам довільну сполучуваність із прикметниками, що номінують інтенсивність звучання.

II. /Висота/ звучання протиставляє звуконайменування за семами ‘високе’/‘низьке’: *дзвін, свист – вуркіт*.

III. У звуконайменувань із абстрактною, широкою звуковою семантикою визначення тембру ускладнене, тому семантичний множник **/тембр/** розширено компонентом **/характер звучання/**. Зазначена ознака представлена в аналізованих акустемах семами: ‘переливчастий’, ‘металевий’, ‘деренчливий’, ‘різкий’, ‘гармонійний’, ‘пронизливий’, ‘монотонний’/‘різнорідний’, ‘розкотистий’, ‘протяжний’, ‘відбитий’.

IV. /Кількісний прояв звукового ефекту/: ‘один звук’ – ‘кілька звуків’ (пор., наприклад, *шум – свист*). Цей компонент наявний в акустемах усіх рівнів, але він не є основним.

Ядерна частина ЛСПЗ у широкому розумінні (друга – четверта зони) охоплює одиниці, які диференційовані характером прояву свого денотативного значення і пов’язані з архісемою як безпосередньо, так і опосередковано.

Звуконайменування **другої зони** конкретизують свій предметно-логічний зміст переважно на рівні родових сем (наприклад, *писк* – ‘звук + високий + неголосний + істота’, *журкіт* – ‘звуки + монотонні + вода + хлюпання’), не мають специфікованих сем, що забезпечує широку сполучуваність, і відрізняються різноманітними фонічними характеристиками. Вхідження одразу кількох семем однієї лексеми до зони можна пояснити тим, що такі акустеми за однакового вираження позначають різні за джерелом звуки одного рівня конкретизації. Наприклад, *тріск*: “1. Різкий звук, який утворюється, коли щось ламається, лопається, тріскає, розривається; // шум від різких, коротких ударів, стуків, пострілів тощо; // шум, який утворюється під час згоряння чого-небудь; // характерний звук під час електричних розрядів; // шум, що утворюється під час роботи деяких механізмів, знарядь, інструментів і т.ін.” (СУМ: X, 274). Частина акустем другої зони опосередкована одиницями першої зони, частина – безпосередньо архісемою ‘звук’, наприклад: *рев* – ‘**крик** + гучний + протяжливий + тварин(и)’, *хрип* – ‘звук + сиплий + нечистого тону + хворобливий стан горла’. Зростає кількість сем: до основних якісних характеристик, які творять першу зону, додано семи, мотивовані ознаками **/джерело/**, **/дія/**, **/джерело + дія/**. Пор., наприклад, *гук* – ‘сукупність звуків + різноманітні + частота + сила’ та *гук* – ‘звук + голос + людина’. Відмічено появу варіантних і вірогіднісних сем. Наприклад, *шурхіт* – “глухий звук, шум від човгання, тертя чогось об що-небудь” (СУМ: XI, 567), *виск* – “тонкий, пронизливий крик; звук, який видає людина або тварина” (СУМ: I, 486), *журкіт* – “звуки від ударів, падіння, розрядів і т.ін., **переважно** протяжні, розкотисті” (СУМ: II, 195). Ієрархічно ближче до ядра у

другій зоні розташовані акустими з інтегральним компонентом /джерело/ або /дія/. Усередині розташовані синонімічні та конкретні ЛСВ тих акустем, які в своєму абстрактному значенні належать першій зоні. На периферії – найменування, які є єдиними в мові для позначення певного звуку навколишньої дійсності та не мають специфікованого характеру. Однокореневі звуконайменування, якщо вони позначають не однакові, а різні звуки також належать периферії зони. Якщо ж у звуку є декілька однокореневих слів – до зони входить тільки одне з них (найуживаніше, нейтральне), а інші належать ближній периферії.

Компонентний склад іменникових акустем другої зони:

I. /Інтенсивність/ звуку урізноманітнено градуальними семами ‘тихий’ – ‘неголосний’ – ‘голосний’ – ‘гучний’, пор. *журкіт* – *писк* – *галас* – *рев*. Окрім крайніх точок прояву інтенсивності ‘сильний’ – ‘легкий’ (*гогіт* – *шелест*), виявлено ознаку середньої інтенсивності ‘приглушений’ (*рокіт*). У частини акустем зафіксовано абстрактне вираження ознаки /інтенсивність/ (*тріск*, *хрип*, *грюк*, *клекіт тощо*), яка конкретизована синтагматично:

- (3) *Сичання тихе здатне приглушити Мільйони зичних співів у гаю*
(Д. Павличко, II, 103).

II. Усі акустими кваліфіковані як звуки певної висоти, однак у деяких із них ця ознака має конкретне вираження – ‘високий’/‘низький’, наприклад, *писк*, *скрип*, *виск*, *свист* – *рокіт*, *журкіт*, *хрип*, *гул*.

III. Семантичний множник /тембр, характер/ має антонімічні протиставлення ‘дзвінкий’/‘глухий’ (*виляск* – *шурхіт*), ‘монотонний, одноманітний’/‘різноманітний’ (*журкіт* – *гул*); зафіксовано появу сем ‘різкий’ (*скрип*, *свист*), ‘безладний’ (*гомін*, *галас*), ‘сиплий’ (*хрип*), ‘нечистого тону’ (*хрип*), ‘свистячий’ (*присвист*, *сап*), ‘переривчастий, уривчастий’ (*стук*, *клекіт*), ‘розкотистий’ (*гуркіт*), ‘пронизливий’ (*виск*), ‘скрипучий’ (*скрегіт*), ‘мелодійний’ (*рокіт*). Характер звуку визначено також градуальними семами семантичного множника /тривалість/ – ‘короткий’/‘тривалий’/‘протяжний’ (*грюк* – *гул* – *рев*). Неосовною є сема ‘віддалений’ (*гул*).

IV. Вказівка на /джерело/ обмежує сполучуваність аналізованих одиниць, однак цим семантичним множником значення лише конкретизоване на рівні сем ‘живе’/‘неживе’, ‘людина’/‘інша істота’ (пор., наприклад, *крик* – *шелест*, *голос* – *клекіт*).

V. Семантичний множник /дія як джерело звуку/ конкретизує значення акустем семами ‘падіння’ (*плюск*), ‘удар’ (*оплески*), ‘хлопання’ (*журкіт*), ‘ламання’ (*хрускіт*), ‘лопання, розрив’ (*тріск*), ‘рух’ (*присвист*), ‘жування’ (*хрумкіт*), ‘дихання’ (*хрип*), ‘ходіння’ (*хода*), ‘тертя’ (*рип*), ‘сопіння’ (*сап*), ‘стискання’ (*скрип*), ‘човгання’ (*шурхіт*). Вказівка на /дію/ спричинює

появу ще одного множника – /об’єкт дії/ (наприклад, *плюск* – ‘шум + удар + поверхня води’).

Лишається актуальним множник /кількісний прояв звукового ефекту/ (пор., наприклад, *гул, галас, рокіт і голос, плюск, крик*).

Після іменникових акустем у другій зоні розташовано акустемі опрeдметненої дії. У них відображений передусім певний субстанційний початок, оформлений спеціальними показниками, але вказана і його залежність від певних процесів (Кубрякова 1978: 65), тому ці звуконайменування творять перехідний рівень між периферійною та ядерною частиною зони – це іменники, які в мові виступають і назвами звуків, і назвами дій, процесів, супроводжуваних звуком. Переважна більшість таких акустем має паралельну форму позначення цього ж звуку, розташовану ближче до домінанти, наприклад, *шелестіння* – *шелест*, *тріцання* – *тріск* тощо.

У семній структурі звуконайменувань, які представляють опрeдметнену дію та одночасно виявляють семи ‘процес/дія’ і ‘результат’, фонічні ознаки відходять від семного ядра, поступаючись місцем інтегральним ознакам /дія/ і /джерело/, наприклад, *шарудіння* – ‘звуки + шарудіти + шерех, шелест + слабкий’, *гримання* – ‘звуки + стукати + стук, шум + сильний’. Виявлено факт компенсування якісних характеристик акустемі опосередкованою яскравою родовою семою, наприклад, *хрустіння* – ‘звуки + хрустіти + тріск, хрускіт’. Окремим звуконайменуванням властивий множник /додаткова дія/ (звукова/незвукова), реалізований семами ‘зіткнення’, ‘рух’, ‘просочування’, ‘удар’, ‘випускання повітря, газу, пари’, ‘хода’, ‘біг’, ‘ламання’, ‘розрив’, ‘витікання’, ‘кипіння’, ‘скребіння’. Наприклад, *грюкання* – ‘звуки + грюкати + шум, грюк + сильний + удар, поштовх, коливання’, *цокання* – ‘звуки + цокати + своєрідні + уривчасті + раптове зіткнення + тверді предмети або поверхні’. Компонентний склад акустем опрeдметненої дії другої зони протиставлений власне іменниковим звуконайменуванням урізноманітненням семантичного множника /тембр, характер/, що пов’язано з появою у семній структурі акустем постійної, основної ознаки /дія/, яка й зумовлює відповідну характеристику звуку. Зокрема, до вже названих сем додано семи ‘хрипкий’, ‘своєрідний, характерний’, ‘ритмічний’, ‘музичний’, ‘сухий’, ‘дрижачий’, ‘переливчастий’, ‘деренчливий’, ‘металевий’, ‘шумовий’, ‘частий’ ‘гуркітливий’, ‘лункий’, ‘рівний’, ‘дзвенячий’.

Дієслівні акустемі другої зони позначають не звучання само собою, а активну діяльність його утворювача як вияв здатності видавати певний звук. Значна частина цих безпрефіксних дієслів утворена від звуконаслідувань і поєднана інтегральною семою ‘видавати/утворювати’ + диференційний множник /конкретний звук/, наприклад, *ревіти* “видавати рев, ревіння (про тварин)” (СУМ: VIII, 471), *тріскати* “утворювати тріск” (СУМ: X, 275). Якщо джерелом звучання є суб’єкт (істота), то в семантиці відповідних

дієслів головною семою є ‘видавати звук’ (*співати* “видавати голосом музичні звуки” (СУМ: IX, 514)); якщо джерелом звучання є дія суб’єкта (істоти) – ‘утворювати звук’ (*стукати* “створювати стук, шум при ударах, поштовхах, коливаннях, розривах і т.ін.” (СУМ: IX, 802)). Для дієслів, що позначають процес продукування звуків істотами, значення “видавати звук” є первинним стосовно значення “утворювати звук” (про це детальніше див. Кузнецова 1958). Однак не в усіх звуконайменуваннях можна чітко розмежувати вказані значення: в одних акустемах ці семи можуть бути об’єднані в одному значенні – “видавати, утворювати шум (звук)” (*свистіти* “видавати, утворювати свист (у 1 знач.)” (СУМ: IX, 75)), в інших – реалізовано одну з цих сем (*шарудіти* “видавати слабкий шерех, шелест” (СУМ: XI, 418)).

Ближче до домінанти розташовано дієслівні акустемі, в яких множник /**конкретний звук**/ деталізований фонічними характеристиками, наприклад: *кричати, сичати, дзвеніти, торохтіти, цокат, ляцати*. У середині зони – дієслівні акустемі, в яких множник /**конкретний звук**/ представлений іменниковими акустемами, які належать до першої і другої зон, наприклад: *стукати, свистіти, рипіти, скреготати, шурхотіти, хрумтіти, дзюрчати*. Ще далі від домінанти розташовані акустемі з інтегральною семою ‘звучати’ + фонічні характеристики, наприклад: *ринуть, рокотати, зриватися, зринати, розходитися, розлунювати*. У переважній більшості аналізованих акустем ознака /**джерело дії**/ не входить до семантики дієслова, але завжди супроводжує його, наприклад, *кричати* – тварини або птахи, *стугоніти* – явища природи або механізми, *хроніти* – людина або тварина.

Характеристику звучання за ознакою /**висота**/ більшість дієслів має у своїй внутрішній структурі. Наприклад, дієслова *стугоніти, рокотати, гудіти, вуркотати, дудніти, урчати* позначають звуки низької частоти, а дієслова *свистіти, дзвеніти, пицати, ляцати* – високої частоти.

Третя зона ядерних акустем відзначена специфікованим характером денотативного значення, що урізноманітнює фонічні особливості звуку.

Аналізовані звуконайменування зберігають компонентний склад одиниць попередньої зони, але ядерні власне іменникові акустемі відрізняються від останніх інтегральними семантичними множниками на рівні видових сем: /**природа джерела**/ (‘мисливський ріг’, ‘свисток’, ‘металеві, скляні, дерев’яні предмети’, ‘годинниковий механізм’, ‘еластичний предмет’, ‘немовля’, ‘вітрила’, ‘сухий предмет’, ‘твердий предмет’, ‘крила’, ‘різновиди птахів, комах, тварин’, ‘хвиля’, ‘голос’, ‘зброя’ тощо) і /**якість дії**/ (‘недбало’, ‘дуже голосно’/‘голосно’/‘тихо’, ‘швидко’, ‘мимоволі’, ‘ритмічно’, ‘членороздільно’, ‘по черзі’, ‘судорожно’, ‘раптово’, ‘коротко’ тощо). Наприклад, *гудок* – ‘звук + низький + протяжний + свисток’, *крекіт* – ‘звуки + качки, жаби’, *фуркіт* – ‘звуки + крила птахів + політ або швидкий рух’. Наявність специфікованої ознаки у семній структурі акустемі призводить до об-

меження або й взагалі відсутності якісних характеристик звуку, бо за таких умов фонічні характеристики опосередковані компонентом **/природа джерела/**. Наприклад, *удар* – ‘звук + зіткнення + чогось із чимсь’, *гогіт* – ‘звуки + схожі на “го-го” + гуси’, *ляскіт* – ‘звуки + удар + чим-небудь + еластичним’. У цьому аспекті важливою є поява семи ‘своєрідний, характерний’ щодо якісної характеристики звуку. Ця сема не несе безпосередньої інформації про фонічні характеристики звуконайменування, однак вказує на особливий характер звуку, зумовлений певним джерелом. Наприклад, *туркіт* – ‘звуки + своєрідні + переливчасті + голуб, горлиця’. Семантична ознака **/інтенсивність/** конкретизована градуальним семним рядом ‘несамовитий’ – ‘гучний’ – ‘дуже голосний’ – ‘голосний’ – ‘неголосний’ – ‘приглушений’ – ‘тихий’: пор., наприклад, звуконайменування *рев* – *вигрім* – *вереск* – *гук* – *писк* – *рокіт* – *шепіт*. До семантичного множника **/характер/** додано семи ‘тріскотливий’ (*тріск*), ‘послідовний’ (*мелодія*), ‘нерівномірний’ (*перегуд*), ‘з хрипом’ (*кашель*), ‘хрипливатий’ (*хрип*), ‘незлагоджений, негармонійний’ (*різноголосся*). На периферії зони розташовано іменникові звуконайменування, які у глибинній структурі містять факультативні компоненти **/відстань/**, **/місце/**, **/враження/**, **/почуття/**. Наприклад, *відгомін* – ‘звук + слабкий + відстань’, *вереск* – ‘звук + високий + пронизливий + неприємний + тертя + металевий, дерев’яний предмет’. Активніше проявляються варіативні семи різної природи (від основних до другорядних): *шерхіт* “глухий звук, шум від тертя чогось об що-небудь” (СУМ: XI, 445), *виск* “високий, пронизливий звук, утворюваний при терті металевих чи дерев’яних предметів або при польоті кулі, снаряда і т.ін.” (СУМ: I, 486). Регулярна багатозначність типу **/джерело/** – **/звук/** призводить до того, що усі назви музичних інструментів (та їхніх активних частин) можуть метонімічно позначати утворюваний ними звук (Падучева 1998: 11), наприклад, *гонг* – “ударний музичний інструмент [...]; // звуки, утворювані цим предметом” (СУМ: II, 122), *литаври* – “ударний музичний інструмент [...]; // звуки, утворювані цим інструментом” (СУМ: IV, 494).

Коло специфікованих акустем опредметненої дії та дієслівних звуконайменувань якісно і кількісно різноманітніше. У специфікованих звуконайменуваннях утворювач звуку повністю входить до глибинної структури акустемі і пов’язаний із певною категорією суб’єктів або з конкретним суб’єктом. Такі одиниці референтно обмежені. Наприклад:

- (4) *Свиня хрюкає, чим і відрізняється від собаки, бо собака гавкає* (О. Вишня, II, 112).
- (5) *Тьохкає, аж розлягається, в садку соловейко* (М. Коцюбинський, II, 55).

Зафіксовано велику групу звуконайменувань, що акустично деталізують людське мовлення, наприклад, *сичати, стогнати, рокотати, окати, гомоніти, джеркотати, лепетати, протягати, присвистувати, хлипати, хрипіти, акати, вуркотати, гаркавити, гакати, дріботіти, мимрити, заїкатися, запинатися* тощо. Голос виступає ознакою, властивою людині як істоті, і виражений у звучанні, утвореному голосовим апаратом. Таке звучання є сукупністю фонаційних параметрів. Мовлення передає усю палітру внутрішнього світу людини, його емоції, почуття, переживання. Наприклад:

- (6) – *Ну от, ви вже й гніваєтесь...* – зажурено **протяг** Звірятин, лагідною усмішкою вуст ховаючи насмішку, що забриніла йому в голосі (Є. Плужник, 68).
- (7) – *Ва-аніку!* – **прохрипів** він, заходячись гірким кашлем (Є. Плужник, 134).

Разом із специфікованими найменуваннями ядро третьої зони творять акустими, в яких до постійної ознаки **/додаткова дія/** додано ознаку **/якість додаткової дії/**, що урізноманітнена семами 'голосна' (*голосіння*), 'важка' (*сопіння*), 'ритмічна' (*цокання*), 'швидка' (*хурчання*), 'з шумом' (*хлюпання*), 'з шерехом' (*чахкання*), 'у ніс' (*зугніння*), 'під тиском' (*чавкання*), 'судорожна' (*схлипування*), 'мимовільна' (*чхання*), 'уривчаста' (*пихкання*), 'стиха' (*квиління*), 'часта' (*калатання*), 'зі стогоном' (*стогнання*). Характер самої **/додаткової дії/** може бути як звуковим ('кричати', 'тріскати', 'співати', 'мовити', 'стукати', 'чмокати'), так і незвуковим ('спати', 'дихати', 'летіти', 'іти', 'терти', 'плакати', 'жувати'), пор., наприклад, *вигукування* – 'звук + вигукувати + голосно + **крик** + почуття', *човгання* – 'шум, шарудіння + човгати + **тертя** + по якійсь поверхні'. Основними у дієслівних акустемах виступають не лише семи 'видавати звук'/'утворювати звук', але з'являється сема 'супроводжувати звуком', наприклад, *тужити* – 'плакати, примовляючи' (СУМ: X, 312), *плямкати* – 'їсти, прицмокуючи' (СУМ: VI, 603).

Перенесення акценту якісної характеристики звуку з лівої частини семної структури (фонічні ознаки) до правої (дія) пояснює незначне урізноманітнення ознаки **/характер/**, зокрема додано семи 'нерозбірливий' (*лепетання*), 'невгамовний' (*валування*), 'тужливий' (*завивання*), 'горловий' (*кректання*), 'пискливий' (*дзявкання*), 'рвучкий' (*тріпання*).

В одиниць зони зростає кількість і характер вірогіднісних сем: вони властиві як ознаці **/джерело/**, так і **/якість/** звуку. Наприклад, *хрипіти* – 'видавати + звуки + хриплі + важке дихання + **переважно про тварин**' (СУМ: XI, 155), *шкварчати* – 'видавати + звуки, тріск, шипіння + короткі + уривчасті + **переважно під дією жару, вогню**' (СУМ: XI, 473).

В акустем четвертої зони характеристики семної структури зміщено в правий бік, далі від архісеми та якісних характеристик. Цю зону умовно можна назвати “зоною відцентрових сем”. Пор., наприклад, семну структуру акустеми другої зони *сичання* – ‘звуки + сичати + нагадують вимову звука “с” + протяжну’ і акустеми четвертої зони *сичання* – ‘говоріння + сичати + нерозбірливо + свистячі звуки + часто’. Переважна більшість звуконайменувань опосередкована родовими семами, наприклад, *фальцет* – ‘голос’, *благосвіт* – ‘дзвін’, *зойк* – ‘стогін’, *клекіт* – ‘булькіт’. Якщо акустеми третьої зони специфіковані за /джерелом/ або /дією/, то основні одиниці четвертої зони є спеціалізованими найменуваннями, необмеженими “сферою використання”, але залежними від інтелектуального рівня учасників комунікативного процесу. Наприклад, не кожна людина, почувши низький голос людини, назве його *октавою*, або ж середній між басом і тенором чоловічий голос – *баритоном*, однак у реальному світі існує відповідна диференціація таких звуків, закріплена в мові:

- (8) *Високим фальцетом кінчає Тимоха останній куплет* (О. Вишня, I, 198).
- (9) *Прекрасне сопрано. Добрий баритон і чудесний молодий, свіжий, як струмочок лісовий, альт* (О. Вишня, II, 154).

Такі акустеми належать до ядерної частини ЛСПЗ, бо вони детермінологізувалися, втратили чітко встановлену концептуальність і однозначність, вийшли за межі певних термінологічних систем і набули статусу загальновживаних. Маючи статус периферійної серед прямих номінативних ЛСВ, четверта зона активно проявляє дифузність структури поля через наявність “чужих” ознак: /час/, /місце/, /емоційне враження/, /відстань/, /фізіологічний стан/.

Серед дієслівних акустем і акустем опредметненої дії поширена ознака /схожий на .../. Ця ознака характерна для звуконайменувань із чітко визначеним характером і джерелом звуку. Вона змінює первинне джерело звучання, розширює денотативний зміст номінативної одиниці та переводить утворений ЛСВ у інший лексико-семантичний підрозділ. Наприклад, *цвічання* – ‘звук + цвічати + характерний + **схожий на щебет + предмети**’, *стрекотати* – ‘звуки + **схожі на стрекіт + механізми** (мотор, кулемет тощо)’.

Здійснений аналіз дозволяє зробити такі висновки:

1. Постійними для звуконайменувань ядерної частини є фонічні ознаки: /інтенсивність/, /висота/, /тембр/, /характер/. Диференційними виступають лексико-граматичні семи ‘предметність’, ‘процес’, семантичні

ознаки /джерело/, /дія/, /природа джерела/, /якість дії/, /додаткова дія/, /якість додаткової дії/, /схожий на .../, /супровідна дія/. Факультативними виступають ознаки /кількісний прояв звукового ефекту/, /знаряддя дії/, /почуття/, /час/, /місце/, /враження/, /відстань/, /фізіологічний стан/.

2. Абстрактну семну схему ядерних одиниць можна подати так: /архісема/ – /родова сема/ – /інтенсивність/ – /висота/ – /тембр, характер/ – /джерело (родове/видове / специфіковане)/ – /дія (основна/додаткова / основна + додаткова)/ – /якість дії (основної/додаткової / основної + додаткової)/ – /відцентрові семі/.

3. Характер основних сем у звуконайменуваннях ядерної частини ЛСПЗ визначено такою ієрархією: доцентровий (одиниці першої (загальні) – другої (конкретні) – третьої (специфіковані) зон і відцентровий (одиниці четвертої зони – “чужі”).

4. Аналіз ядерних акустем засвідчив: чим бідніші семні схеми акустем, тим ближче до домінанти вони розташовані, і навпаки, чим більше компонентів у схемі, тим віддаленіше одиниця від домінанти.

5. В українській мові основна маса прямих звуконайменувань пов’язана з якоюсь сукупністю джерел або з конкретним джерелом звуку.

ЛІТЕРАТУРА

- Вихованець, І.Р. (ред.) 2004, *Теоретична морфологія української мови: Академічна граматики української мови*. Київ: Унів. вид-во “Пульсари”.
- Залевская, А.А. 1977, *Проблема организации внутреннего лексикона человека*. Калинин: Изд-во Калининского ун-та.
- Звегинцев, В.А. 1957, *Семасиология*. Москва: Изд-во Москов. ун-та.
- Кубрякова, Е.С. 1978, *Части речи в ономаσιологическом освещении*. Москва: Наука.
- Кузнецова, О.Д. 1958, О двух значениях глаголов звучания в толковых словарях русского языка. В кн.: Ожегов, С.И. – Ахманова, О.С. (ред.), *Лексикографический сборник, вып. 3*. Москва, 97–102.
- Маслов, Ю.С. 1975, *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа.
- Мигирин, В.Н. 1973, *Язык как система категорий отображения*. Кишинёв: Штиинца.
- Падучева, Е.В. 1998, Парадигма регулярной многозначности глаголов звука. *ВЯ* № 5, 3–23.
- Уфимцева, А.А. 1962, *Опыт изучения лексики как системы*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Kuchař, J. 1968, К общей характеристике номинации. *Travaux Linguistiques de Prague 3: Études structurales dédiées au VIe Congrès des slavistes*. Prague: Academia, 119–129.

ДЖЕРЕЛА

- Вишня, О. *Твори, т. I–IV*. Київ: Дніпро, 1988–1989.
- Коцюбинський, М. *Твори, т. I–VII*. Київ: Наукова думка, 1974.
- Павличко, Д. *Твори, т. I–II*. Київ: Дніпро, 1989.
- Плужник, Є. *Змова у Києві: Роман, п'єси*. Київ: Український письменник, 1992.
- СУМ – *Словник української мови, т. I–XI*. Київ: Наукова думка, 1970–1980.

КООРДИНАЦИЯ НА КОМУНИКАТИВНАТА ДЕЙНОСТ ПРИ ПЕРФОРМАТИВНОТО ИЗКАЗВАНЕ В БЪЛГАРСКИ ЕЗИК

Мария Стоилова Жерева

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО, mzhereva@hotmail.com)

Перформативът е изказване-действие и като такъв той е координатор на комуникативната дейност на събеседниците.

От една страна, комуникативната дейност на адресанта и адресата, която се осъществява в различни комуникативни ситуации, протича паралелно с реалната действителност и е концептуално отражение на неща, събития, състояния. От друга страна, тя представлява част от действителния свят, защото комуникантите встъпват в общуване с определена цел – да съобщат, да узнаят, да подбудят към действие, да повлияят на нечие поведение, на някаква емоционална сфера или на оценката и отношението на адресата.

Извършването на действието винаги е свързано със ситуация, а точно в определена ситуация е възможно да се провокира речевата или неречевата реакция на адресата.

Параметрите на комуникативната ситуация характеризират обстоятелствата при общуването като цяло, мотивите и намеренията на участниците в речевия контакт, стимулите и реакциите на събеседниците за проявата на едни или други интенции един на друг. Комуникативната ситуация обикновено се смята за процес, в който се проявяват връзки и отношения между компонентите на социално-комуникативната дейност, която намира изражение в речевото произведение – изказването, дискурса (Формановская 1998: 48–49).

В рамките на нашето изследване под ситуация на комуникативното взаимодействие разбираме процес на планирано въздействие от страна на адресанта върху адресата на когнитивно ниво, емотивно ниво или на интенционално ниво, а също и ответната (вербална или невербална) реакция на адресата по отношение на оказаното въздействие. Комуникативното взаимодействие има конкретен характер и начин на репрезентация на перформативното изказване: въздействие върху съзнанието по пътя на рационалната аргументация (съобщение, убеждаване утвърждаване), въздействие върху емоционалната сфера (обещание, одобрение, осъждане или въздействие) и върху подсъзнанието (съгласие, възражение, съвет, предсказване). Например, – *Гарантирам Ви пълна дискретност и големи резултати;* – *Одобря-*

вам *твоята увереност и приемам гаранциите ти* (М. Вешим, Английският съсед).

Основни съставни части на ситуацията на комуникативното взаимодействие, репрезентирани в перформативните изказвания са: 1) фрагмент от действителността, 2) номиниране или актуализиране на перформативността, 3) адресант-перформатор, 4) адресат на взаимодействието и 5) комуникативни обстоятелства (сфера на дейност, в която протича общуването, доминираща постановка в отношенията между участниците в общуването, социалният статус и ролите на комуникантите).

Най-важният компонент е адресантът-перформатор (участник в речевото взаимодействие, инициатор на речта, автор на перформативното изказване, насочено към друго лице с определена цел за постигане на някакъв перлокутивен ефект) и адресат на взаимодействието (участник в речевото взаимодействие, който реагира по определен начин на перформативното изказване на адресанта-перформатор).

За взаимовръзката между комуникативните роли на адресанта и адресата Т.Г. Винокур (2005: 91) отбелязва, че по отношение на собствената си реч говорещият е в ролята на реципиент на въздействието.

Адресантът и адресатът винаги са носители на определен социален статус и определени роли и си взаимодействат в съответствие с този си статус и тези си роли, а това задължително се отразява в породения и приемащия текст (Формановская 1998: 50).

Комуникативната координация на речевата дейност е процесът, при който определена комуникативна интенция достига до адресанта и неговата комуникативна дейност, насочена към слушащия, се определя от реакцията на адресата и се съгласува с тази реакция в ситуацията на комуникативното взаимодействие.

При контактната функция перформативът се използва за установяване или поддържане на речевия контакт.

При регулативната функция перформативът играе ролята на регулатор или коректор на речевото/неречевото поведение на адресата и адресанта в условията на конвенционално общуване за установяване на нормално взаимодействие.

При информативната функция перформативът се използва за привличане вниманието на адресата към съобщаване или потвърждаване на определена информация.

От казаното дотук могат да се диференцират следните типове ситуации на комуникативното въздействие:

– **императивна ситуация** – в нея се реализира подбудителната функция на перформатива;

– **регулативна ситуация** – в нея се реализира регулативната функция на перформатива;

– **регулативно-ритуална ситуация** – в нея функционират перформативи, които са единици на речевия етикет;

– **регулативно-корективна ситуация** – в нея функционират перформативи, които коригират комуникативното поведение на участниците в междуличностното общуване;

– **когнитивна ситуация** – в нея се реализира информативната функция на перформатива.

Координацията на комуникативната дейност на събеседниците, която се реализира в перформативното изказване, може да бъде представена като процес, който се състои от три основни фази: 1) актуализация на комуникативната интенция на адресанта, 2) възприемане и интерпретация на перформативното изказване (актуализация на реакцията на адресата) и 3) резултат от комуникативното взаимодействие (взаимна координация на комуникативната дейност на адресанта и адресата). Например, – *Полковник, спрете! Не си отивайте! Приемете моите извинения, бях груб и нетактичен! – Приемам! – кратко и тихо, но някак студено отговори полковникът и го погледна в очите. После с отсечена крачка напусна стаята* (П. Константинов, Прощаване с пролетта). Дадената комуникативна ситуация е предшествана от събития, които са довели до употребата на речевия акт за извинение и говорещият построява своите речеви действия като отчита тези събития – поднася своите извинения. От отговора на полковника (приема ли или не приема извиненията) зависи по-нататъшното вербално или невербално взаимодействие между участниците в тази комуникативна ситуация.

В отговор на перформативно изказване могат да се актуализират различни реакции на адресата:

– **активно-позитивна реакция:** При нея адресатът има намерение да се вслуша и да приеме поканата, съвета или предупреждението на адресанта. При този тип реакция адресатът възприема и интерпретира намерението на адресанта максимално правилно и е готов на активно сътрудничество, на комуникативно взаимодействие, знае или поне се надява, че речевото действие, представено с перформативно изказване, се осъществява в негов интерес. Нещо повече – с това той оправдава всички очаквания на говорещия.

– **пасивна реакция:** Адресатът възприема пасивно перформативното изказване, насочено към него.

– **съпротивителна реакция:** В някои ситуации на комуникативното взаимодействие от страна на адресата се проявява съпротива, недоволство, несъгласие към комуникативното въздействие, изразено с перформатив.

В рамките на конвенционалното общуване комуникативното намерение на говорещия може да бъде изразено имплицитно в перформатива (при отсъствие на перформативен глагол или синонимните му еквиваленти). При имплицитното представяне на намерението на говорещия адресатът разпознава илокутивната сила на изказването като се опира на своята комуникативна компетентност и като интерпретира речевата ситуация в нейната цялост.

Тъй като перформативното изказване винаги разчита на възприемане от страна на слушащия и на някаква реакция от страна на адресата, то е едновременно и продукт на речевото взаимодействие, и инструмент за постигане на определен резултат, който е мотивиран от намерението на адресанта.

В зависимост от обстоятелствата и условията, в които протича процеса на координация на речевата дейност, употребата на перформативното изказване може да постигне поставената цел (в този случай комуникативното взаимодействие се оказва успешно) или да не я постигне (този случай води до комуникативен неуспех). Резултатът от комуникативното взаимодействие, прагматичното значение на речевия акт и успешността на ситуацията на комуникативното взаимодействие зависят не само от характеристиките на адресанта и адресата, но и от особеностите на социалната ситуация, в която се осъществява речевият акт. Например, *До няколко минути моля да си свършил всичко!* (Братя Мормареви, Мъже без мустаци). В този случай към адресата е отправена категорична молба и той не може да откаже да я изпълни, тъй като, видимо от последващия контекст, неизпълнението и би имало негативни последствия за него. Молбата тук има отенък на заплахата по адрес на слушащия.

Резултатът от комуникативното въздействие може да съответства или да не съответства на намерението на адресанта, поставената от него цел може да се оцени като комуникативен успех или като комуникативен неуспех. Ако резултатът е комуникативен успех, то комуникативното взаимодействие, предадено с перформативно изказване, ще е **успешно** или **компромисно**, а ако резултатът е комуникативен неуспех, то комуникативното взаимодействие е **неуспешно** или **конфликтно**.

Погрешната употреба на перформатив, който отразява йерархичност на социалните отношения е перлокутивен акт, който провокира конфликтна ситуация в рамките на комуникацията и води до възникване на комуникативна бариера и в следствие – до комуникативен неуспех.

Предаването на информация с перформативни изказвания може да служи за различни цели на адресанта – за установяване и поддържане на речевия контакт, да подтиква адресата към някакво действие (физическо или психологическо), да регулира междуличностни отношения: да предава ня-

каква информация на адресата, да способства за създаване на приятно за събеседника общуване.

Типизираните конструктивни начини за изразяване на перформативността се репрезентират от различни групи перформативи, изразяващи конкретни интенционални значения. Тези групи могат да се квалифицират като комуникативно-семантични, синонимно свързани типове перформативни изказвания, обединени от едно интенционално значение.

Според реализираните функции в ситуациите на комуникативно взаимодействие, които се проявяват в комуникативно-семантичните групи, на перформативите-координатори на комуникативното взаимодействие могат да се отделят маркери за подбуждане към действие, регулативи на речевия контакт, коректори на комуникативното поведение и оператори за предаване на информация.

Анализът на конкретните разновидности ситуации за подбуда и подбуждателни изказвания позволява да се отделят следните основни типове перформативи-маркери за подбуждане към действие:

- перформативи, които предписват действия на адресата (заповед, разпореждане, изискване, забрана);

- перформативи, подбуждащи към действие, което се извършва в интерес на говорещия (молба, покана, предупреждение, предсказване, разрешение);

- перформативи, които изразяват съвет, предложение за осъществяване на някакво действие или изменение на положението на нещата.

За описанието на различията между тези типове маркери за подбуда към действие най-съществени са задължителността за изпълнение на действието за адресата, получаването на действието за единия от комуникантите, приоритетното положение на говорещия или адресата в ситуация на адресираност. Например, *Моля те, вземи писмото и го прочети. Хайде, много те моля, отвори го, не го хвърляй непрочетено. Моля те за първи и последен път в живота си* (Ал. Карасимеонов, Двойна игра). Комуникативното намерение, реализирано с перформатива *моля* се състои в това, че говорещият се стреми да подтикне адресата към определено действие – да отвори и прочете писмото. Молбата се характеризира с интензивност, с активно апелиране към адресата под формата на повторни *Ти*-обръщения и подбуждателната дума *хайде*, да извърши определеното действие. Комуникантите са добри познати, приятели. В началото на общуването има стремеж към съгласие, а в края то клони към конфликт (*моля те за последен път*).

Перформативите-регулативи на речевия контакт актуализират начини на предаване на комуникативно-социален опит на събеседниците в междуличностното общуване. Моделът на речевото поведение на събеседниците се определя от социалната йерархия, националната култура и правилата на

речевия етикет, ритуалността на взаимодействието, комуникативната езикова компетенция на говорещите и постоянната практика на общуването. Например, *Поздравявам те с настъпващите Коледни празници и ти желая всичко най-хубаво. Бъди винаги такава, каквато си и каквато те познаваме и обичаме.* Адресантът поздравява близък човек и изразява отношението си към него.

Като употребява перформативи-регулативи на речевия контакт, стремежи се да постигне определен перлокутивен ефект, адресантът е длъжен да отчита статусно-ролевите отношения с партньора по комуникация, а също и пресупозициите, които правят уместна употребата на перформативи-регулативи на комуникативния контакт и позволяват по най-добър начин да предаде някакво комуникативно намерение. При това без да нарушава социално-етичните норми.

Перформативите-корективи на комуникативното поведение функционират в регулативно-корективните ситуации на комуникативното взаимодействие и актуализират начини за предаване на комуникативно-социалния опит на събеседниците в междуличностното общуване. Целта при употребата на корективи на комуникативното поведение е изразяване на одобрение/неодобрение, признание, обещание, протест, несъгласие и др. Например, – *Нека смятаме, че сме двама туристи, запознали се някога през ваканцията и срещнали се отново през една втора ваканция. – Енергично протестирам против такава постановка, тъй като оная, първата ваканция едва не ми костваше живота. Иначе ваканциите са хубаво нещо* (Б. Райнов, Денят не си личи по заранта). Говорещият изразява несъгласие с предложението на събеседника си и чрез перформатива *протестирам* изразява своето категорично възражение. Речевото въздействие, насочено към адресата има ярко изразен емоционален характер.

Независимо от някои семантико-прагматични различия между перформативите с обща интенция за предаване на информация, всички те реализират значението адресираност и са оператори за предаване на информация към адресата като се намират в центъра на изказването.

Семантико-прагматичните различия между перформативите с обща интенция за предаване на информация се състоят в реализацията на информативната функция на езика, в предаването на нова, актуална и вече известна информация, в различното представяне степента на новината и оценката за тази новина, в официалността и неофициалността на предаваната информация, в различното представяне на адресата в перформативното изказване, което функционира в когнитивната ситуация на комуникативното въздействие.

Целта на адресанта при използваното твърдение е пренасяне до адресата на увереност в истинността на предаваната информация, на стремеж да привлече неговото внимание към обсъждания въпрос.

Анализът на изказванията, в които функционират перформативни оператори за предаване на информация, позволява да бъдат отделени **реална** (преднамерена) информация и **потенциална** (непреднамерена) информация. Реалната информация се въвежда от адресанта-перформатор, той отбира нужната информация, структурира перформативното изказване в съответствие със собствените си намерения. Потенциалната информация се създава от адресата – като възприема и интерпретира реалната информация, той може да изкаже мисли и намерения, които адресантът не предполага. Например в изказването *Съобщаваме Ви, че сумата от 120 лева трябва да бъде платена до три от получаването на това известие* адресатът получава реална информация за плащането, което трябва да направи.

В примера *Докладвам Ви, че места за работа тук няма, безработицата е голяма, хората живеят бедно и са готови на всичко за къшей хляб [...] даже и на убийство* (Ал. Карасимеонов, Експертна комисия) чрез перформатива *докладвам* се предава преди всичко допълнителна интенция да се информира адресата за нещо важно от неговата компетенция. Т.е. важно е точно от гледна точка на получателя на информацията.

– *Уверявам те, парите ти ще са на сигурно място в тази банка. – А защо точно в тази банка, а не в друга? Ще ми кажеш ли какво имаш предвид? Може би ти знаеш нещо, което аз не знам? – Вярвай ми, знай какво говоря!* (Ал. Карасимеонов, Двойна игра). Уверявайки адресата, говорещият поема отговорност за казаното, тъй като явно знае повече, отколкото казва. Неговата увереност влияе на психологичното състояние на адресата – той се съмнява, колебае се, иска да научи повече подробности по интересувашата го тема.

Анализът на различни ситуации на комуникативно въздействие показва, че перформативът влиза в контекст с жизнени събития, като представя комуникативните, социалните или междуличностните отношения между събеседниците. Проявата на екстралингвистични характеристики на адресанта и адресата в ситуация на комуникативно взаимодействие позволява да се уточнят мотивите и целите за избора на едно или друго перформативно изказване от страна на адресанта, да се определи влиянието на статуса на събеседниците върху избора и реализацията на едно или друго езиково средство за регулиране или координация на речевия контакт, да се оценят речевите действия на събеседниците от гледна точка на тяхната резултативност.

ЛИТЕРАТУРА

- Винокур, Т.Г. 2005, *Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения*. Москва: КомКнига.
- Формановская, Н.И. 1998, *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. Москва: Институт русского языка им. А.С. Пушкина.

ИЗТОЧНИЦИ

- Братя Мормареви, *Мъже без мустаци*. София, 1987.
- Вешим, М. *Английският съсед*. София: Сиела, 2008.
- Карасимеонов, Ал. *Двойна игра*. София, 1990.
- Карасимеонов, Ал. *Експертна комисия*. София: Български писател, 1988.
- Константинов, П. *Прощаване с пролетта*. Пловдив: Христо Г. Данов, 1988.
- Райнов, Б. *Денят не си личи по заранта*. София: Български писател, 1986.

ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЯ XVI ВЕКА В Г. НИРЕДЬХАЗА
ОТРЫВКИ ИЗ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ИМ. СВЯТОГО АФАНАСИЯ¹

Михай Кочиш

(Kocsis Mihály, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
kocsism@lit.u-szeged.hu)

В библиотеке Греко-католической Духовной академии им. Святого Афанасия (г. Ниредьхаза, Венгрия) хранятся четыре рукописных четвероевангелия, возникших, по всей вероятности, в XVI веке. Они попали на территорию Венгрии вследствие миграции русинского населения в начале XVIII в., и здесь могли быть в употреблении до начала или середины XIX в., до перехода русинов на венгерский язык службы (Udvari 1994: 31), что произошло вначале только в проповедях, а позднее также и в литургиях.

Интересующие нас манускрипты написаны на церковнославянском языке, содержащем немало явных доказательств об их принадлежности к восточнославянским территориям: из всех памятников мы могли бы привести множество примеров с буквами *ѡ*, *ѣ* и *ѧ*, *ѩ*, *Ѯ* на месте континуантов бывших редуцированных и носовых звуков. Языковые особенности текстов, однако, дают нам возможность и более точного определения места их возникновения: мы имеем в виду фонетические и грамматические украинизмы, собранные и изложенные нами в отдельной статье (Кочиш 2009). Следовательно, в настоящем сообщении мы ограничиваемся повторением лишь тех примеров, которые встречаются на предлагаемых к чтению страницах и вызывают особый интерес по отношению к характеристике языка данного кодекса.

Наши памятники наиболее ценны с точки зрения их орфографии. Во всех них наблюдается неоспоримое стремление переписчика к соблюдению правил т.н. евфимиевского правописания, но результаты этого стремления уже, без сомнения, разнообразны.

В дальнейшем дается весьма краткое описание четырех рукописей, в котором пристальное внимание уделяется особенностям их орфографии.

¹ Мы выражаем искреннюю благодарность директору библиотеки Греко-католической Духовной академии им. Святого Афанасия о. Эндре Ганицу и его сотрудникам за оказанную помощь в работе над рукописями библиотеки.

1. Шарошпатакское евангелие

Шифр: Ms 20.012. Формат: в лист. Размер кодекса: 29,5 на 19 см. Его объем: 297 лл.

Памятник без датировки. Водяные знаки относятся к гг. 1512, 1516, 1526 (см. Pandur 1985: 123).

Содержит все четыре евангелия. Работа одного переписчика.

В 1894 г. рукопись находилась еще в г. Шарошпатак. Об этом свидетельствует статья Миклоша Мате о служебных книгах греко-католической церкви города того времени (Máté 1894).

Публикуемая ниже часть: лл. 146а–147б (Лук. 1,1–1,27).

Дополнительные примеры к характеристике языка: товѣ 146а, испѣнѣ 147а.

Орфографические особенности:

- колебание в написании ѣ и ѥ в конце слова (аггѣлъ 146б, старъ 147а);
- последовательное употребление буквы ѣ (а не ѥ) в предлогах и приставках, а также в континуантах праславянских звукоочетаний **ъrt*, **ъlt*, **ъrt*, **ъlt*, **ъrt*, **ъlt*, **ъrt*, **ъlt* (въ нѣ 146а, испрѣва 146а);
- примеры явления мены юсов (ѡ дѣснѣа 146б, прѣстожи им. п. ед. ч. м. р. 147а);
- частое написание омеги (оуѣѡ 146а, ѡѣа 146б, прѣ вѣѡ 146б);
- употребление ѥ широкого лишь в начале слова (ѥго 146б);
- написание буквы ѣ после л, н, р – однако только в окончаниях (крѣлъ род. п. ед. ч. 146б, ѡлтарѣ род. п. ед. ч. 146б);
- необозначение звука *j* в интервокальном положении (тѡѡа 147а, тѡѡшѣа 147б).

2. Марияповчанское евангелие

Шифр: Ms 20.006. Формат: в лист. Размер кодекса: 30 на 19,5 см. Его объем: 279 лл.

Памятник без датировки. Водяные знаки, по нашим наблюдениям, относятся к гг. 1553 (Laucevičius 1967: 504 [№ 3681]), 1580–1596 (Мацюк 1974: 125 [№ 125]), 1588–1592 (Мацюк 1974: 108 [№ 98]), 1591–1594 (Laucevičius 1967: 230 [№ 1701]), 1592 (Laucevičius 1967: 230 [№ 1689]), 1592–1594 (Мацюк 1974: 110 [№ 113]).

Содержит все четыре евангелия. Работа трех переписчиков.

Кодекс попал в Ниредьхазу из Марияповчанского монастыря (Ojtozi 1982: 129 [№ 17]).

Публикуемая ниже часть: Иоан. 6,46–7,12 (так как рукопись не имеет пагинацию, в нашем сообщении ее листы будут обозначены как *А* и *Б*).

Дополнительный пример к характеристике языка: въ совѣ Аа.

Орфографические особенности:

- почти последовательное написание ѣ в конце слова (хлѣбъ Аа, живъ Аб);
- употребление, как правило, буквы ѣ в предлогах и приставках, а также в континуантах праславянских звукоочетаний *tьrt, *tьlt, *tьrt, *tьlt, *trьt, *tlьt, *trьt, *tlьt (съшѣ Аа, кръвъ Аб, къ мнѣ Ба);
- мало примеров явления мены юсов (пѣж им. п. ед. ч. м. р. Аб);
- относительно частое наличие буквы ѣ на месте носового переднего ряда (мѣ вин. п. Аб, въходѣща Аб);
- распространенное написание омеги (ѡцѣ Аа, юдѣѡ Аа);
- употребление є широкого лишь в начале слова (ѣмъ Аа);
- применение буквы ѣ также для передачи звукоочетания *ji* (въ юдѣй Ба, твоѣ им. п. мн. ч. м. р. Бб);
- необозначение звука *j* в интервокальном положении (никоѣ Аб, бра-тѣа Бб);
- несколько примеров форм 3 л. ед. ч. имперфекта на -ша (хотѣаша Ба, хожѣаша Ба).

3. Приченский кодекс

Шифр: Ms 20.008. Формат: в лист. Размер кодекса: 30,5 на 19,5 см. Его объем: 389 лл.

Памятник без датировки. Водяные знаки относятся к гг. около 1570 (см. Pandur 1985: 122).

Содержит все четыре евангелия. За исключением четырех позднейших вставных листов в начале и конце кодекса, работа одного переписчика.

Рукопись попала в нынешнее свое место хранения из греко-католической церкви с. Пириче (об этом свидетельствует одна из записок, читаемая на втором форзаце, от 1876 г.).

Публикуемая ниже часть: лл. 85а–86б (Мат. 21,9–21,27).

Дополнительные примеры к характеристике языка: голѣвы 85а, книжницы 85б, оуунѣцы 86а, старцы 86б, вѣмы 1 л.мн. 86б; испровѣже 85а, въ цѣкви 85б, съвершилъ єси 85б, верзисѣ 86а, крещеніе 86б.

Орфографические особенности:

- колебание в употреблении ѣ и ѣ в конце слова, при несомненном стремлении к последовательному написанию буквы ѣ после этимологически

твердых согласных и ь – в окончаниях глагольных форм третьего лица (храмъ 85а, естъ 85а, глѣють 85б);

– применение буквы ъ (а не ь) в предлогах и приставках (сѣтвористѣ 85а, възвращѣся 85б);

– единичные примеры с буквой ъ и ь в континуантах праславянских звукосо сочетаний *ъrt, *tъlt, *tъrt, *tъlt (трѣжникомъ 85а, врьтѣнь 85а);

– относительно частое применение омеги (въ цркви 85а, швласть 86б);

– спорадическое употребление і не перед гласной буквой слова (і 85а, єдино 86а);

– необозначение звука j в интервокальном положении (сіа 86б).

4. Дюлайские евангельские отрывки

Шифр: Ms 20.017. Формат: в лист. Размер кодекса: 30 на 18,5 см. Его объем: 77 лл.

Памятник без датировки. Водяные знаки относятся к периоду 1490–1512 (см. Pandur 1987: 177–178).

Содержит фрагменты евангелий от Марка и Луки – с пропусками. Работа трех переписчиков.

В 1888 г. рукопись принадлежала греко-католической церкви с. Нирдюлай (штампы на лл. 1а и 76б).

Публикуемая ниже часть: л. 7а–7б (Мар. 13,22–14,2).

Дополнительные примеры к характеристике языка: по скор'ви 7а, помер'кнетъ 7а, сылы 7а.

Орфографические особенности:

– колебание в написании ъ и ь в конце слова, при последовательном употреблении ъ после этимологически твердых согласных (рѣхъ 7а, снѣъ 7б);

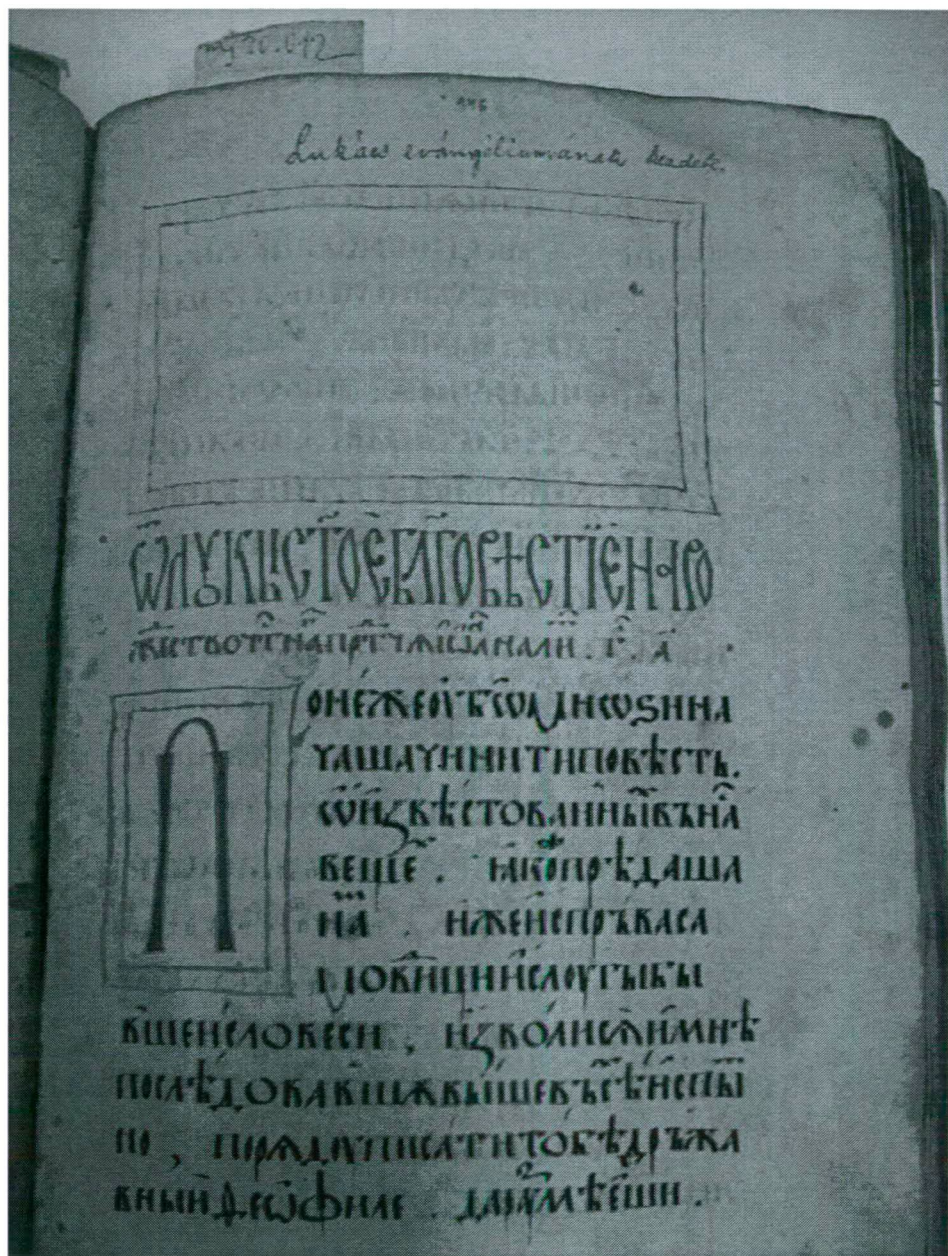
– частое написание омеги (шставль 7б, дѣлш 7б);

– употребление є широкого не только в начале слова или слога, но и после согласной буквы (егда 7а, др'хїєре 7б, же 7б).

В дальнейшем публикуются отрывки из четырех памятников (вместе с их фотоснимками). В примечаниях под напечатанным текстом очевидные особенности оригиналов (описки переписчиков, лигатуры и т.п.) не будут комментироваться. Титла получают одинаковую форму; из надстрочных знаков печатаются диакритические, которые и изменяют звуковое значение стоящих под ними букв.

ЛІТЕРАТУРА

- Кочиш, М. 2009, Найхарактерніші мовні особливості українських церковних рукописів XVI ст. *Studia Russica* XXIII. Budapest, 117–121.
- Мацюк, О. Я. 1974, *Папір та філіграні на українських землях (XVI – початок XX ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Laucevičius, E. 1967, *Popierius Lietuvoje XV–XVIII. a.: Atlasas*. Vilnius: Mintis.
- Máté, M. 1894, A sárospataki g. kath. egyház írott szerkönyvei. *Kelet* № 30. Ungvár, 2.
- Ojtozi, E. 1982, *A máriapócsi baziliták cirillbetűs könyvei*. (Régi Tiszántúli Könyvtárak 2.) Debrecen: KLTE Könyvtára.
- Pandur, J. 1985, Két XVI. századi cirill-szláv tetraevangélium a Nyíregyházi Görögkatolikus Hittudományi Főiskola Könyvtárában (A „Pircsei Kódex” és a „Sárospataki Evangélium”). *Könyv és Könyvtár* XIV. Debrecen, 121–135.
- Pandur, J. 1987, A Gyulaji Evangéliumi Töredék (XVI. századi cirill-szláv kézirat). *Könyv és Könyvtár* XV. Debrecen, 177–183.
- Udvari, I. 1994, *Ruszinok a XVIII. században: Történelmi és művelődéstörténeti tanulmányok*. (Vasvári Pál Társaság Füzetei 9.) Nyíregyháza: Bessenyei György Kiadó, 2. kiadás.

Шарошпатакское евангелие
л. 146а (Лук. 1,1–1,4)

- (1) ²Ѡ лѠкы сѠое блѠговѠстїе на ро-
жество ѡтѠна прѠчѠа ѡѠа на ли. Ѡ. Ѡ³
1. Понеже⁴ оубѡ мнѡзи на-
ѡаша ѡинити повѠсть.
- (5) ѡ извѠствован'ныѣ въ наѣ
вещїѣ. 2. ꙗкоѣ прѠѡдаша
наѣ. иже испрѠва са-
мовици и слоѡгы бы-
в'шен словеси, 3. изволиса и мнѣ
- (10) послѠдовав'шѡ выше въсѣ испѡ-
но, по радоѡ писати тобѣ дрѡжа-
вныи ѡѡѡфиле. 4. да радѡмѣши.

² Место заставки оставлено пустым.

³ Первые две строки написаны киноварью.

⁴ Буква п написана киноварью.

Шарошпатакское евангелие
л. 146б (Лук. 1,4—1,13)

- (1) ⁵ѡ нѣже наоучѣсѧ еси свовесѣ оутврѣ-
женіе. 5. Бѣ⁶ въ днѣи ірѡда црѣ юудей-
ска. іерей нѣкын именѣ захаріа ѡ
днѣвныа урѣды авнанѧ. и жена его
(5) ѡ дѣщеріи дароновѣ. и имя еи елиса-
вѣѡ. 6. вѣста бо правѣна ѡба прѣ
бгѡ. ходѧща въ всѣхъ заповѣдѣхъ и ѡ-
правѣннѣ гнѣхъ беспорѡна,⁷ 7. и не бѣ има
ѡдада. понѣ елисаѡѣ бѣ неплоды.
(10) и ѡба заматерѣвѣша въ днѣхъ своихъ бѣ-
ста. 8. бѣ слоужащюу емоу въ ѡиноу урѣ-
ды своеа прѣ бгѡ. 9. по ѡвыѡаж сѣень-
ства. ключисѧ емоу покладити въ-
шѣ въ црѣковь гнѣхъ. 10. и въсе мнѡжество
(15) людіи бѣ млѣж дѣа вънѣхъ въ гѡ ѡи-
міана. 11. іави же сѧ емоу аггѣлѣхъ гнѣхъ
стоа ѡ деснѣхъ ѡлтарѣхъ кадинѡго.
12. и смѡутисѧ захаріа видѣвѣхъ. и стрѣ
нападѣ на. 13. рече же кѣхъ немѡу аггѣлѣхъ.
(20) не бѡисѧ захаріа. занѣ оуслышана бѣ

⁵ На верхних полях киноварью: сѣ кѣ. на зѣтѣ. іѡа крѣлѣ. вѣ ѡ, бѣ вѣ. На ле-
вых полях киноварью: лѣ | зѣ | ѣ.

⁶ Буква в написана киноварью.

⁷ Буква н исправлена из к.

Шарошпатакское евангелие
л. 147а (Лук. 1,13–1,20)

- (1) млтѣ⁸ твоя. и жена твоя елисаветъ,
родѣ сѣа тебѣ. и наре^ѣ имя емоу іѡа^ѣ.
14. и бждѣ тебѣ радѣ и веселіе. и бждѣ
тебѣ радѣ и веселіе. и мнѡси ѡ ро-
(5) жѣствѣ его възрѣ^ѣюсѣ. 15. бждѣ бо ве-
ліи прѣ^ѣ бгѣ^ѣ. и вина и сикера не имя^ѣ
пити. и дх^ѣ сѣа испѣни^ѣ еще и^ѣ
чрѣва мѣре своеа. 16. и мнѡгы ѡ снѣ^ѣ
іѣлевѣ. ѡбрати^ѣ къ гоу^ѣ боу^ѣ ѣ, 17. и тѣ^ѣ
(10) прѣидѣ прѣ^ѣ нѣ. дх^ѣ и силож иліи-
нож. ѡбрати^ѣ срѣ^ѣ ѡцѣ на чада.
и противныа въ моудрости правѣны^ѣ.
оуготовити гвѣ^ѣ лю^ѣ съврѣшены. 18. и
рѣ^ѣ захаріа къ аггѣлу. по чѣсному ра-
(15) зоумѣж се. азъ бо есмѣ старъ и жена
моя заматерѣвши въ днѣ^ѣ свой^ѣ. 19. и ѡ-
вѣщавъ аггѣ^ѣ рече емоу. азъ есмѣ
гавріѣ прѣстожи прѣ бгѣ^ѣ. и посла^ѣ
есмѣ глѣти к тебѣ. и блговѣсти-
(20) ти тебѣ сѣа. 20. и се бждеши млѣча

⁸ Буква л вставлена дополнительно.

на блговѣщеніе. на нѣрѣн

и немощи и протѣхн, до негѣ днѣ
 еждоуи и занѣ трѣбасловесемон, и
 съхждесавѣрѣмъское. не бѣше
 людіеждоущіе захаріа, и не бѣша
 къ нѣмъ иже мѣ въ цркви. иже шѣ
 же, не мѣжаше глаголющій. и прѣ
 мѣшаше бѣдѣи ебндѣ въ цркви.
 и тѣ бѣ помаваѣи. и прѣбываѣ
 шѣ. и бѣи іако и славыиша днѣ
 слѣбѣи егѣ, иже вѣдоуи. По сѣ
 же днѣ, дѣи іако иже ебндѣ. и та
 шѣи мѣи пѣ. тѣи же, и тако
 мѣи сѣтворигѣ вѣднѣи. и въ мѣ
 прѣсѣи тѣи поношеніе мѣи ебндѣ.
 тѣи же, иже дѣи іако. прѣ. рѣ. іако.
 бѣи мѣи же шѣи. посла бѣи іако
 гаврііи ѿ ебндѣ, въ гравіи іако иже
 ебндѣи мѣи на дѣи. иже дѣи іако
 иже мѣи же вѣи, ебндѣи мѣи ебндѣ.
 ѿ домоу дѣи. и нѣи мѣи дѣи, мѣи
 вѣи дѣи іако. дѣи іако иже ебндѣи
 иже дѣи

Шарошпатакское евангелие
л. 1476 (Лук. 1,20–1,27)

- (1) ⁹и не мѡгыи прогѣлати, до негѡ днѣ
бѣдоу сѣа за не вѣрова словесѣ мѡи; ꙗ
сѣбѣдѣсѡ въ вѣрѣмѡ свое. 21. и бѣше
людіе ждоущіе захаріа; и чюжѡхѣ
(5) кѣснащѣ емоу въ црѣви. 22. изышѣ
же, не можаше гѣлати к ни. и рау^з-
мѣша ꙗ вѣдѣніе видѣ въ црѣви.
и тѣ вѣ понаваж ѿ. и прѣвываа-
ше ѿѣ. 23. и бы ꙗко исплъниша днѣ
(10) ¹⁰слоуѣвы егѡ, нде въ дѡ свѡи. 24. По ¹¹сн
же днѣ, зачу елисаѣ жена егѡ и таа-
шесѡ мѣѡ пѡ. гѣлѡще, 25. ꙗ тако
мнѣ сѣтвори гѣ въ днѣи. въ нѡ
призрѣ ѡтати поношеніе мое въ
(15) члѣѣ. ¹²ко заѣтію іѡѡ. прѣ. рѡ. іѡѡ.
26. въ ¹³мѣѣ же шестын. послѡ бы агѣлѣ
гавріѣ ѡ бѡ, въ гѣѡ галилеискын
емоу имѡ назарѣ. 27. кѣ дѣѣи ѡбрѡ-
ченѣ мѡжеви, емоу имѡ іѡсифѣ.
(20) ѡ домоу дѡѡ. и имѡ дѣѣи, маріѡ. ¹⁴

⁹ На верхних полях киноварью: на блѡвѣщеніе. на лиргѣи.

¹⁰ На левых полях киноварью: мѣ | за | гѣ.

¹¹ Буква п написана киноварью.

¹² Остальные слова в строке написаны киноварью.

¹³ Буква в написана киноварью.

¹⁴ На нижних полях киноварью: въ днѣ онѣ. зачу елисаѣ жена захаріина | и таашѣ.

№ 20.006

ВѢДА . Г . НЕ . ПОПА . РЕУРИШАС . ГЕУ

Е . ИСТО . ПАКМО . СЕ . СЕ . СЕ . ВІ . Д . Ф . И . ЦА
 АМН . АМН . ТА . БА . ВІ . ТРА . ДА
 ВІ . МА . ИМ . ЛЕ . Т . ЖИ . БО . ВІ . Т . ИМН . Г
 РЕ . Г . К . Д . ПРІ . ШІ . ШІ . І . Е . НІ . МО . Г . І . О . Г . ДА
 И . А . З . Ъ . Е . М . Х . Л . Б . Ъ . ЖИ . БО . Н . І . И
 І . ЦІ . Б . ВА . ШІ . И . ШІ . МА . НО . Р . ОБ . Т . О . Р . Т . И
 ГИ . НО . У . МРІ . ША . І . І . Е . Х . Л . Б . Ъ . ШІ
 С . Х . Л . Б . І . И . ДА . А . І . ЦІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И
 І . НО . У . МРІ . Т . И . А . З . Ъ . Е . М . Х . Л . Б . Ъ . ЖИ . БО . ВІ . Т . И
 С . Х . Л . Б . І . И . Г . І . И . ДА . І . ЦІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И
 І . БО . Х . Л . Б . А . СІ . Т . А . ЖИ . БО . ВІ . Т . О . Г . Д . І . В . Ъ . І . К . Ъ .
 Х . Л . Б . Ъ . БО . І . ЖІ . А . З . Ъ . А . І . ЦІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И
 ЖИ . БО . ВІ . Т . О . МІ . РА . ПРІ . Х . Л . Б . І . И . ДА . І . ЦІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И
 І . О . РА . ДІ . Е . М . І . ЖЕ . О . Г . Д . І . В . Ъ . І . К . Ъ . І . С . А .
 І . С . А . МО . ЖЕ . І . СІ . ДА . ПІ . И . Г . І . ПІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И
 РІ . ЖІ . И . І . С . АМН . АМН . ТА . БА . ВІ . ТРА . ДА
 І . ЦІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И
 І . НО . І . И . ПІ . И . СРІ . В . НО . Г . О . ЖИ . БО . Т . А . И
 І . МА . І . И . ПІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И
 І . ПІ . И . ПІ . Б . ВА . ШІ . Г . І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И
 І . МА . І . ЖИ . БО . ВІ . Т . И
 І . НА . Х . Л . Б . І . И . Г . І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И
 А . НІ . И . Д . І . И . Г . І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И
 І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И . Г . І . Б . І . И

34
100

Марияповчанское евангелие
л. Аа (Иоан. 6,46–6,55)

- (1) ¹⁵Ѣ кто. токмо іс ѿ ба се вѣдѣ ѿца
47. амин. амин. глѧ вѧ. вѣроуѧ
въ мѧ имаетъ живѣ вѣчнѣй:•
рѣ¹⁶ гѣ къ пришѣши к немуѣ юуде-¹⁷
(5) ѿ. 48. азъ ѣмъ хлѣвъ живѣнѣй
49. ѿцѣ ваши мѧноу въ поуты-
ни и оумръша. 50. се ѣ хлѣвъ съшѣ
съ нѣси. да аще кто ѿ него сънѣ
и не оумрътъ. 51. азъ ѣмъ хлѣвъ живѣнѣй.
(10) съхѣдѣи съ нѣсе. аще кто сънѣтъ
ѿ хлѣва сего живѣ боудѣ вѣвѣкы.
хлѣвъ бо иже азъ да плѣ моа ѣ за
живѣ вѣсего мира. 52. прѣхѣ же сѧ
юудеѣе межѣ съвож глѣюще. ка-
(15) ко може се дати на плѣ свою гисти.
53. рѣ же и іс. амин. амин. глѣ вѧ. а-
ще не сънѣте плѣти сѧ улѣкаго
не пиете крѣви его. живота не
имаете въ собѣ. 54. гдѣ плѣ мож
(20) и пѧ крѣвъ мож. имѣ живѣ вѣ-
нѣй. и азъ вѣскрѣшоу его въ полѣ-
днѣй днѣ:~ 55. плѣ¹⁸ моа истинѣе ѣ
брашно. и крѣвъ моа ѣ истинѣе ѣ

¹⁵ На верхних полях киноварью: въ пѧ. гѣ нѣ. по пѧ. рѣ пришѣ кѣ.

¹⁶ Буква р написана киноварью.

¹⁷ На правых полях киноварью: ѿ | за | кѣ.

¹⁸ Буква п написана киноварью.

[illegible]

Марияповчанское евангелие
л. Аб (Иоан. 6,55–6,64)

- (1) ¹⁹пиво:• кѣ²⁰ вѣровавшѣи к немѣ
юудеѣмъ. 56. ады пѣтъ мож. и пѣж
крѣвь мож въ мнѣ прѣбываѣи и
азъ въ нѣ. 57. ꙗже мѣ посла живыѣ
(5) ѡцѣ. и азъ живоу ѡца ради.
ꙗды ма. и тѣи живы боудѣ ме-
не ра. 58. се ѣ хлѣбъ съшеды с нѣси. и
ꙗкоже ѡцѣи ваши ꙗдоша маиѣ
и оумроша. ꙗды хлѣбъ съи жи-
(10) въ боудѣ въвѣкы. 59. си рѣ на съи-
миши. оуца въ каперьнаоу-
мѣ. 60. мнози же вѣроваша. ѡ
оуцѣи его рѣша. жес'токо
ѣ слово се кто може послоушати
(15) его. 61. вѣды же ꙗ въ себѣ. ꙗко
рѣп'цоу ѡ семь оуцѣи его и рѣ
и. се ли вы блазни. 62. аще оубо
оузрите сѣа ула въсходѣща и-
деже вѣ прѣже. 63. дхъ ѣ иже жи-
(20) вѣ ѡ плѣти. ни полза никоеа
же. глы ꙗже гла дхъ соу. и живѣ
соу. 64. нж соу ѡ ва нѣкоторыѣ иже
не вѣроужть. свѣдѣаша.

¹⁹ На верхних полях киноварью: пѣ д нѣ по па рѣ гѣ кѣ вѣровшиѣ. На левых по-
лях киноварью: ѡ | зѣ | кѣ.

²⁰ Буква к написана киноварью.

[illegible]

Марияповчанское евангелие
л. Ба (Иоан. 6,64–7,2)

- (1) во искони іс кто соу неѡѣжщей
и кто ѣ хотѣ прѣдаті ѡ. 65. и гла-
ше сего рѣ вѣ. іако никтоже не
може прїити къ мнѣ. аще не
- (5) боудѣ емоу дано. ѡ ѡца мое-
го. 66. ѡ сего мнози ѡ оучѣнькѣ его
идоша вѣспѣ. и ктомоу не хо-
жаахъ с нѣ. 67. рѣ же іс овѣма
на. їтъ. еда вы хоцете ити
- (10) 68. ѡвѣща емоу симонъ петръ.
гѣ къ комоу идѣ. гѣы живота
вѣчнаго имаети. 69. и мы вѣро-
вахо и познахо. іако ты еси
хъ съ снѣ вѣ живаго:~²¹кѡ. пѣе.
- (15) 70. ѡвѣща²² ісѣ не азъ ли вы два на
їтъ извѣрѣ. и ѡ вѣ єдинъ діавѣ
ѣ. 71. глаша емоу. юудѣу сїмо-
нова скариѡтина. се во хотѣ-
ша предати и єди ѡ обою на ї:~
- (20) 7,1. хождаша²³ ісѣ съ ними въ галеле-²⁴
ж. не хотѣаша во вѣ юудей хо-
дити іако искаха его оубити. 2. и
вѣ же близъ прѣни²⁵ юудейскъ.²⁵

²¹ Остальные слова в строке написаны киноварью.

²² Буква ѡ написана киноварью.

²³ Буква х написана киноварью.

²⁴ На правых полях киноварью: іѡ | зѣ | кѣ.

²⁵ На нижних полях киноварью: вѣ ѣ по пѣ вѣ хожаше ісѣ.

[illegible]

Марияповчанское евангелие
л. Бб (Иоан. 7,3–7,12)

- (1) 3. рѣша же къ немуѣ бѣра его прѣ-
иди оубо ѿсоудю. и иди въ
юудеѣ. да оучѣни твой видѣ
дѣла твоя. ꙗже ты твори-
- (5) ши. 4. ничтоже вѣтаниѣ тво-
ри. ищетъ бо сѧ ꙗвѣ быти.
аще си твориши.²⁶ ꙗви вѣсе-
моу мироу. 5. ни братѣа бо его
вѣровахоу въ нь. 6. гла же ѿ іс
- (10) врѣмѣа мое не оубо прѣиде. а
врѣмѣа ваше вѣсегдѣ готово е
7. не може весь миръ²⁷ ненавиѣ-
ти вѣ. мене же ненавиѣи ꙗ
азъ свѣдѣитѣствоуѣ ѡ немѣ
- (15) ꙗко дѣла его зла соу. 8. вы вѣзын-
де въ прѣни. азъ не вѣзындю
въ прѣни сѣ. ꙗко времѣа мое
не испѣнисѣ 9. си рѣ сѧ вѣ галѣлен:²⁸
- (20) 10. егдѣ²⁸ же вѣзындоша бѣра его въ
прѣни. тѣгда и сѧ вѣзынде не
ꙗвѣ. нѣ ꙗко тай. 11. юудей и-
скахоу его въ прѣни. и глахоу
гѣ е ѡ. 12. и ропо мно вѣ ѡ нѣ вѣ на-

²⁶ Буква ш исправлена (из т?).

²⁷ Буква ѣ усpravлена из ѡ.

²⁸ Буква ѣ написана киноварью.

ПАЧЕ НЕ. БѢ О, ВНИЦЕ ІСЪ ХРИСТОУ КЖІЮ
 ГИЩЕ, О ІМНА СНА ДАВА
 БІБЕ ПЪ ГЛА ДИВЪ ІМЛГНЕ,
 О ІМНА ВЪ БЫШНУХЪ ІНБІ
 ШЕШХЪ МОУ ВЪ ІЕРИМЪ, ПО
 ТРА СЕ СЪ ВЪ ГРАДЪ ГЛА, ІСТО
 ЁСТЬ СЕИ; НАРОДИ ЖЕ ГЛАХЪ,
 СЕИ ЁСТЬ ІСЪ ХРИСТЪ, ІЖЕ СЪ НА
 ЗАРЕЧА ТА И ІЕНЕКА. ПРѢ МЕ
 НѢ ВНИЦЕ ВЪ ЦРКВѢ КЖІЮ, І
 ИЗГНА ВСѢ ПРОДАЮЩА ІНІСХ
 ПАЮЩА ВЪ ЦРКВѢ, І ТРАПЕ
 ЗИ ТЪЖНИКОМЪ ІСПРОВЕ
 ЖЕ, І СТДАНЦА ПРОДАЮЩІ
 ГОЛХЫ. І ГЛА НМЪ. ПИ
 СМО ЁСТЬ, ХРАМОН, ХРАМЪ
 МАТЪ БЫ НАРЕЧЕ СЯ. БЫЖЕ
 СЪТВОРИ СЪ ІН ВЪ РЪПѢ РАЗКО
 ННИКОМЪ. І ПРІСЪТОУ ПИ
 ША КНѢ МОУ ХРОМЪ І СЪ ПИ

3
 А
 ПГ

МБ

Пириченский кодекс
л. 85а (Мат. 21,9–21,14)

- (1) ²⁹ глѹще, осан'на сѣѡ двѣѡѡ·
блѣвенъ градѣи въ имѡ гнѣ,
осан'на въ вышнихъ· 10. и въ-
шѣшѡ емоу въ иерлѣмъ, по-
(5) трѣсеса вѣ градъ глѡ, кто
есть сѣи; 11. народи же глѡхѡ,
сѣи естъ іс прѣкѡ, иже ѡ на-
зарѣта галилеиска·³⁰ прѣѡ, не
12. и³¹ вниде въ црѣкѡѡ вѣжѣю, і³²
(10) из'гна всѡ продающаа и кѡ-
пѣющаа в' црѣкви, и трапе-
зы трѣжникомъ испровѣ-
же, и сѣдалища продающѣ
голѡвы· 13. и глѡ имъ· пи-
(15) сано естъ, хрѡ мой, храмъ
мѣтѡвы наречѣсѡ· вы же
сѣтвористе ѣ врьтепѣ разбой-
никомъ· 14. и пристѡупи-³³
шѡ к немуу хромѣи и слѣпи

²⁹ На верхних полях киноварью: пѡ ѡ нѣ. вѣѡ ѡ, вниде іс въ црѣкѡ вѣжѣю (см. знак / и в 9-й строке фотокопии).

³⁰ Остальные слова в строке написаны киноварью.

³¹ Буква и написана киноварью.

³² На правых полях киноварью: зѡ | ѡг.

³³ На правых полях написано: мѡ.

Пириченский кодекс
л. 85б (Мат. 21,14–21,19)

- (1) ³⁴в' црѣви, ꙗ исцѣли ихъ.
прѣ, пѣ. ѱти нѣли, цѣѣно³⁵
15. Видѣвшѣ³⁶ же архїерее и кни-
жницы ѱюдеса ꙗже сътво-
(5) ри, и отроки зовѣща въ цѣ-
кви, и глѣуща, осан'на снѣ
двѣвоу. негодоваша, 16. и
рѣша емоу. слышиши
ли, что снѣ глѣють; ꙗже
(10) рече имъ, ей. нѣсте ли ѱли
никили же; ꙗко изъ оустъ
младенець, и иссѣшихъ³⁷ съ-
вершилъ еси хвалѣ; ѱти,
пѣ.³⁸ 17. и оставль ихъ, изы-
(15) ³⁹де вънъ изъ града въ вѣданїю,
и въ дворища тоу. конецъ,
⁴⁰ни, цѣѣнон.⁴¹ 18. оутрѣ⁴² же
възвраща въ градъ, въ зал'-
⁴³ка. 19. и оутрѣбѣ смоковницѣ⁴⁴

³⁴ На верхних полях киноварью: ѣ.

³⁵ Строка написана киноварью.

³⁶ Буква в написана киноварью.

³⁷ Первая с написана над строкой дополнительно.

³⁸ Последние два слова написаны киноварью.

³⁹ На левых полях вертикально киноварью: сѣ ѣ. наѣд. ѣд ѣд. и нѣ ѣ. наѣд ѣд. ѣѣ:

⁴⁰ На левых полях киноварью: ѣд | ѣд.

⁴¹ Последние три слова написаны киноварью.

⁴² Буква о написана киноварью.

⁴³ На левых полях написано: ѣд.

⁴⁴ Буква ѣ написана над строкой дополнительно. На нижних полях киноварью: пѣ ꙗ нѣ. въ ѣ, възвраща сѣ ꙗ въ гра въѣка (см. знак / и в последней строке фотокопии).

ЕДИНЪ ПРИПХТИ, ПРИИДЕ КНЕН,
 И НИТТО ЖЕ ОФРТЕНА НЕН,
 ПОЕМО ЛНСТВІЕ ЕДИНО. И
 ГЛА РИ. ДА НИКОЛН ЖЕ ОТЕ
 БЕ ПЛОДА БЖДІ ВЪ ВѢКМ. І
 ЛЕ ІЕ НІШЕ СМОКОВНИЦА. И
 БИДѢ КШЕ ОУТННЦЫ ДИКНША
 ТНЦЕ, КАКО А КІЕ НІШЕ СМО
 КОВНИЦА; КОНЕ ПА. ОВѢ
 ЦИ ВЖЕ ІС. РЕЧЕНА Т. І. ИЛИ
 ГЛА ВІДІТЬ. АЩЕ ИМАТЕ ВѢ
 РХИ НЕ ОУСХИ НИТЕ СЯ; НЕТО
 КМО СМОКОВНИЦНОЕ СЪТВО
 РИТЕ. НО АЩЕ ГОРѢ СЕИ РЕ
 ЧЕТЕ, ДВИГНИ СЯ, И ВЕРЗНИ СЯ
 ВЪ МОРЕ, ГДѢ ТЯ. И ВЕДІ АН
 КА АЩЕ ВЪПРОСИТЕ ВЪ МАТѢ
 ВѢРЖОШЕ, ПРИИМАТЕ. ІС. ЛІНЕ.
 И ПРИШЕШЪ БЕ ОУКЦІ СЯ, ПРИСІХ
 ВТО І НЕ. БѢ С. ПРИЕТОУПНША
 КЪ ТЮ. ОУТАШЪ АРХІЕПІСКОПЪ ІСТАЦН

ЗА
 ПЕ

Пириченский кодекс
л. 86а (Мат. 21,19–21,23)

- (1) едінь при пѣти, прійде к ней,
и ниутоже обрѣте на ней,
только листвіе едіно· и
гдѣ ей· да николи же ѿ те-
- (5) бе плода бѣде въвѣкы· і
абіе исше смоковница· 20. и
видѣвъше оучѣницы двиншѣ
глаголюще, како абіе исше смо-
ковница; конѣ, пѣ.⁴⁵ 21. ѿвѣ-
- (10) щавѣ же ісѣ, рече имѣ· аминѣ
глаголю вамѣ· аще имате вѣ-
рѣ и не оучѣнитесѣ; не то-
лько смоковниное сътво-
рите· но аще горѣ сей ре-
- (15) чете, двинисѣ, и верзисѣ
въ море, бѣдетѣ· 22. и всѣ ели-
ка аще въспросите въ мѣтвѣ⁴⁶
върѣюще, пріймете·⁴⁷ кѣ. пѣ.
23. и⁴⁸ пришеши емоу въ црѣкѣ, пристѣ⁴⁹

⁴⁵ Последние два слова написаны киноварью.

⁴⁶ Буква ѣ написана над строкой дополнительно.

⁴⁷ Остальные слова в строке написаны киноварью.

⁴⁸ Буква и написана киноварью.

⁴⁹ На правых полях киноварью: ѡа | пѣ. На нижних полях киноварью: вѣ і нѣ.
вѣ ѡ, пристѣпишѣ | къ ісѣу, оучаши архіереи и стѣци (см. знак / и во второй строке сле-
дующей стороны фотокопии).

86/5

ЛІ

МН

пиша к нѣмоу оу҃хащѣхъ и҃хъ
 ереи старца людеи і҃ако
 ше ꙗкоу властїю сїа творю
 рїши; нїкто тѣдѣла сѣ
 властїю сїю; ѿвѣщаѣше і҃сꝑ
 рече нѣмъ ꙗко въ прошлѣхъ бѣхъ
 азъ слово діаволѣ ꙗже аще ре
 те ꙗко нѣмъ, нѣ азъ ꙗко нѣмъ
 кою властїю сїа творю ꙗко
 щенїе і҃оанново ѿхъхѣхъ
 сѣмъ селѣхъ, нѣ ѿ і҃сꝑ ѿнѣ
 же помышляхъхъ все ꙗже і҃ако
 ше ꙗко аще рече нѣмъ, ре
 те ꙗко нѣмъ, поутѣоу҃тѣю
 въ роуаствѣ емоу; аще нѣ
 те нѣмъ ѿ і҃сꝑ ꙗко нѣмъ
 рода ꙗко нѣмъ і҃оаннѣ
 нѣ ѿвѣщаѣше і҃сꝑ ѿнѣ, рече
 нѣмъ ꙗко рече нѣмъ ꙗко нѣмъ,

і҃ако прорече

ЛІ

Пириченский кодекс
л. 86б (Мат. 21,23–21,27)

- (1) ⁵⁰пишѡ к немоу оуѣащѣ ар'хї-
єрее и старцы люд'стїи глїю-
⁵¹ще• коєю властїю сїа тво-
риши; и кто ти дастъ ѡ-
(5) властѣ сїю; 24. ѡвѣщав' же їс',
рече имъ• вѣпрошѣ вы и
азъ слово единое, еже аще ре-
чете мнѣ, и азъ вамъ рекѡ,
коею властїю сїа творю• 25. кре-
(10) щенїе іоан'ново ѡкѣдѣ вѣ,
сѣ нѣсе ли, или ѡ ѹлѣтъ; они
же помышляхѣ в' себѣ глїю-
ще• аще речемъ с' нѣсе, ре-
четь намъ, поучто оубо не
(15) вѣроставте емоу; 26. аще ли ре-
чемъ ѡ ѹлѣтъ• боним'сѡ на-
рода• вси бо имоу' іоан'на.
⁵²27. и ѡвѣщав'ше їсѣви, рѣшѡ,
не вѣмы• рече имъ и той, ⁵³

⁵⁰ На верхних полях киноварью: ѡ.

⁵¹ На левых полях написано: ѡи.

⁵² Последние слова стиха написаны на полях: тако прѣка.

⁵³ На нижних полях написано: ѡи (т.е. нумерация тетради кодекса на ее последней стороне).

[illegible]

См. также в кроне восточной, в том же

Дюлайские евангельские отрывки
л. 7а (Мар. 13,22–13,30)

- (1) ⁵⁴избран'ныѡ. 23. вы же блюдѣтесѡ;
се прежде рѣхъ вамъ в'сѡ. ⁵⁵кѡ, в'тѡ:
24. Но⁵⁶ въ ты дѣи по скор'би тѣи и сѣи⁵⁷
це помер'кнетъ. и лоуна не дастъ
(5) свѣта своего. 25. свѣсѡды воудѣт'
съ небесе падаючи. и сымы иже на
невеси подвижѣт'сѡ. 26. тогѡ оузрѡ
сѣа ѱлѣскаго градѣцаго на обла-
цѣхъ, со силою и славою многю.
(10) 27. и тог[...]етъ⁵⁸ агѣлы своѡ, и съ-
[...]ран'ныѡ своѡ ѿ ѱетырѣ
вѣтрѣ и ѿ кон'ца зѣмли до кон'ца
нѣѡ. 28. ѿ смоковъница же наоуи-
тесѡ прити. егда оуже вѣтвы
(15) ѡ вѣдѣтъ, мѡло израѣѣ лист-
вѣе, видите ꙗко близъ ест' жатва.
29. тако и вы егда видите сѡ бывающа.
видите ꙗко близъ еѣ при дверехъ. 30. а-
минь глѡ вамъ ꙗко не имѡтъ прѣй-
(20) ти рѡ сѣи дондеже в'сѡ сѡ вѣдѣ.

⁵⁴ На верхних полях киноварью: сѣѣ зѣ нѣ, рече гѣ своѣ оуѣнѣ, в' ты дѣи (см. знак / и в третьей строке фотокопии).

⁵⁵ Остальные слова в строке написаны киноварью.

⁵⁶ Буква н написана киноварью.

⁵⁷ На правых полях киноварью: зѣ | ѣ.

⁵⁸ Дыра охватывает часть двух строк в оригинале.

[illegible]

Дюлайские евангельские отрывки
л. 76 (Мар. 13,31–14,2)

- (1) 31. ⁵⁹нѣ⁶⁰ и зѣмла прейдетъ. слова
же моа не прейдѣтъ. ⁶¹кѡ, средѣ.
32. ⁶²о⁶³ дѣи же томъ, или о часѣ никто-
же вѣсть. ни аглы иже сѣ на нѣсѣ,
(5) ни сѣ ток'мо оцъ. 33. блюдетѣ, еди-
те, и молитеса. не вѣсте во когѣ вре-
мя вѣдет'. 34. ꙗкоже члвкъ ѿхода ш-
ставля домъ свой. и вѣдавъ рабѣ
своимъ власть комждо дѣлаш
(10) свое. и вратарю повел[...] ⁶⁴вдиди'.
35. идите оубо, не вѣсте во [...]
домъ прїидетъ, вѣверъ, или полѣ-
нощи. или в' патлоглашенїе. и-
ли оутро, 36. да не пришедъ в'незапѣ,
(15) обратиетъ вы спаша. 37. а ꙗже вѣ
глю, в'сѣмъ глю, идите. 14,1. вѣ же
пасха, и опрѣсноци, по двѣх
дню. искахъ архїереѣ, и книж'-
ници, како, егѡ, лестїю ем'-
(20) ше, и оубїютъ. 2. глахъ же, но не

⁵⁹ На верхних полях киноварью: ѿѣ зї нѣ. ѿѣ гѣ своѣ оучѣнко, нѣо и зѣмла. На ле-
вых полях киноварью: ма | за | гѣ.

⁶⁰ Буква н написана киноварью.

⁶¹ Остальные слова в строке написаны киноварью.

⁶² На левых полях написано: мѣ.

⁶³ Буква о написана киноварью.

⁶⁴ Дыра охватывает часть двух строк в оригинале.

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ МЕТАФОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Каталин Куглер

(Kugler Katalin, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék
kugler@lit.u-szeged.hu)

1. Научное описание колоссальных изменений, произошедших в девяностые годы XX века на разных уровнях русского языка, лексикографическая обработка лексических инноваций, в большинстве своем, к началу нового тысячелетия завершились. Вышел в свет ряд ценных книг, сборников, статей, рассматривающих причины и основные тенденции языковых процессов постперестроечного времени (Костомаров 1994; Земская 1996; Мокиенко 1998 и пр.), появились словари, содержащие неологизмы того десятилетия, был издан специальный словарь, посвященный языковым изменениям конца XX века (Скляревская 1998). Многочисленные лексические новшества отразились уже и в толковых словарях русского языка (Ожегов–Шведова 1994; Кузнецов 1998). Судя по библиографическим данным опубликованных работ, в этом отношении особой научной и лексикографической цезурой является 1998 год.

В лексике русского языка процесс повального заимствования иностранных (главным образом, английских) и ненормативных слов (имеются в виду жаргонные, порой тюремные и просторечные слова), начавшийся в конце 80-х годов, к началу нового века явно замедлился. В настоящее время мы становимся свидетелями дальнейшего освоения англицизмов в парадигматике русского языка. В политическом языке уже укоренились слова *саммит*, *спикер*, *рейтинг* и под., а также ряд экономических, банковских терминов, заимствованных из английского языка. Также завершился переход многочисленных маргинальных слов в разговорный пласт лексики, вследствие чего происходит смягчение стилистического контраста разностилевых слов в газетных текстах. Неумеренное и жанровыми критериями не мотивированное использование стилистически чужеродных элементов в публицистике (исключениями могут быть, например, интервью, цитаты из чужой речи и под.) по-прежнему является отступлением от нормы, и оно характерно для бульварной прессы, изучением которой мы не намерены заниматься.

В последнее десятилетие в научной литературе наблюдается следующее явление: вместо фиксации и систематизации новых языковых явлений и их социолингвистической обработки внимание лингвистов направлено на новые аспекты изучения газетного дискурса. Можно заметить, что больше

внимания уделяется верхнему пласту газетных текстов, изучению экспрессивных средств, стилистических явлений. См., например, изучение риторических приемов в газетных текстах (Кожевникова 2005), анализ проявления особенностей постмодернистской литературы в стилистике современных российских газет (Сковородников 2004). Широко рассматриваются особенности метафоризации (Чудинов 2001 и екатеринбургская лингвистическая школа), также языковая игра, афористика в газете (см. разные номера *Русской речи* за 2006, 2007 годы). Другими словами, в большей мере исследуется применение разных средств и приемов, сближающих публицистические тексты с художественными и придающих особый колорит даже новостным текстам.

2. Нас заинтересовало «поведение» некоторых фразем, заимствованных то из жаргона, то из английского языка, также семантическая трансформация отдельных слов и словосочетаний в публицистике последних лет. Источниками нашего анализа послужили разные номера газет *Аргументы и факты*, *Аргументы недели*, *Новое время*, *Московские новости*, вышедшие в последние годы. (В дальнейшем: АиФ, АН, НВ, МН.)

2.1. Жаргонная фразема *сесть на иглу* регистрируется в словаре В.С. Елистратова (1994: 428) со значением: 'стать наркоманом'. Относительно ее происхождения автор указывает на возможное влияние фраземы *сесть на якорь*, что в уголовном аргю обозначает: 'надолго попасть в тюрьму'.

В *Толковом словаре русского языка конца XX века* (Скляревская 1998: 258) основное значение этого выражения, т.е. 'начать употреблять наркотики' уточняется, и дополняется значением 'привыкнуть к инъекциям наркотиков'. (Приведенный пример зафиксирован датой 1991 г.)

В 90-е годы эта метафора была заимствована журналистами из жаргонной речи, и она стала «атрибутом» текстов, рассказывающих о наркоманах. Как правило, она употреблялась в кавычках, и, таким образом, подчеркивалась ее новизна и стилистическая инородность.

В новом тысячелетии, когда «нефтяной вопрос» стал актуальным повсеместно, фразема *сесть на иглу* на страницах российской прессы обрела новую жизнь. В это время в политических текстах стали все чаще употребляться словосочетания: *нефтедоллары*, *нефтяной кризис*, *нефтяной бум*, Россия стала называться *нефтяной страной* (по закону экономии речевых усилий). В это время происходит трансформация рассматриваемой фраземы, и она начинает употребляться в следующем варианте: *сесть на нефтяную иглу*. В газетных текстах вторая часть трансформированной фраземы встречается всегда в кавычках, чем подчеркивается как ее новизна, так и переносный (метафорический) характер ее значения. Она в абсолютно сжатой форме выражает такую сложную мысль: стать экономически зависимым от нефтедолларов, от доходов от продажи нефти. В следующем примере акцент

ставится уже на доходность этой «зависимости»: *На «нефтяной игле» сидит не Россия, а нефтяники* (АН 2008, № 22, с. 12). Интересно наблюдать, что анализируемая фраза носителями языка адаптируется дальше, и в том же тексте (в одном опросе) встречаем уже такой вариант: *слезть «с нефтяной иглы», стащить страну «с нефтяной иглы»*. (В значении: 'избавиться от «нефтяной зависимости»'.) В этих новых конструкциях существительное *игла* теряет переносное значение 'наркотик, получаемый инъекциями', и вследствие новой метафоризации в сочетании со словом *нефтяной*, с одной стороны, происходит конкретизация предмета зависимости, с другой стороны – указание на способ получения наркотиков теряет значение. Сохраняется однако приобретенное в исходной фразе метафорическое значение 'зависимость от чего-либо', при этом еще подразумевается финансовая выгода данной «зависимости».

Как мы увидели, метафора *нефтяная игла* широко распространилась в прессе, и, выделяясь с помощью кавычек, она стала сочетаться и с другими глаголами и образовывать новые фраземы. Трансформированная жаргонная фраза при этом сохранила свой разговорно-просторечный оттенок.

В связи с нефтяным кризисом появилось и такое словосочетание как *«нефтяной Рубикон»*, которое указывает на то, что цена на нефть достигла своего предела. В следующем примере мотивируемое слово метафоры не конкретизируется в тексте, оно вызывает аллюзию прецедентного текста *Мавр сделал свое дело, мавр может уходить*. Это крылатое выражение с мотивирующим словом *нефтяной* перефразируется в следующем заглавии: *«Нефтяной мавр» еще недодделал дело* (НВ 2001, № 49, с. 22). Этот пример мы считаем окказионализмом, который, однако, свидетельствует о безграничных возможностях метафоризации в публицистике.

2.2. В газетной речи прилагательные играют очень активную роль в метафоризации существительных. Из них нам хотелось бы выделить некоторые, на наш взгляд особенно широко распространенные на страницах газет и менее исследуемые лингвистами.

2.2.1. Уже в восьмидесятые годы появилась калька английской фраземы *горячая линия* (*hot line*), которая сначала обозначала: 'экстренная телефонная связь между Кремлем и Белым домом'. Вслед за ней появился *горячий телефон*, который обеспечивал непосредственную связь какой-либо организации с населением, к примеру, на телестудии со зрителями (Левашов 1997: 161). Тогда же стали употреблять в сниженной профессиональной речи заимствованную фразему *горячие деньги* (*hot money*). По определению словаря неологизмов 80-х годов, метафорическое словосочетание *горячие деньги* в конце 80-х годов употреблялось и в таком значении: 'избыточные, не имеющие товарного покрытия деньги у населения, предприятия' (Левашов 1997: 161). В словаре Складневской (1998: 175) эта фраза определя-

ется уже таким образом: 'средства, получаемые в результате спекулятивных финансовых операций'. В данном случае видна семантическая трансформация заимствованной фраземы, которая со временем стала употребляться соответственно исходному значению. Эта фразема перекликается с другой фраземой, употребляемой в экономической тематике: *быстрые деньги*, со значением 'приобретенные легко, скорее всего спекуляцией'.

2.2.2. Языковыми новшествами 90-х годов были устойчивые словосочетания *горячие туры*, *горячие путевки*, которые продаются незадолго до отправления по сниженным ценам. В наши дни параллельно употребляется и вариант *горящий*, которым, по свидетельству Интернета, в сфере турбизнеса постепенно начинает вытесняться слово *горячий*. В *Большом толковом словаре* (в дальнейшем БТС) в словарной статье *горячий* этот новый оттенок семантики слова еще не зафиксирован. Он перекликается с четвертым значением слова, указанным в словаре: 'напряженный, требующий сосредоточения всех сил' (Кузнецов 1998: 222). При дальнейшем анализе трансформации семантики слова *горячий* по ассоциативной линии в определенном контексте подразумевается, что в напряженной (туристской) ситуации для быстрого решения вопроса необходимо сосредоточить умственные силы. К данному тематическому блоку принадлежат и такие новые словосочетания как *горящие предложения*, и даже *горящие авиабилеты*, которые продаются в «последнюю минуту» и, как пишется в рекламных объявлениях, «по лучшим ценам». Эти новые выражения образно выражают, что эти предложения, т.е. покупка до сих пор не проданных путевок или авиабилетов, требуют оперативного решения, быстрой реакции. Правда, в рекламных текстах с туристической тематикой *горячий* употребляется уже не только в «срочных ситуациях», но, например, и в таких случаях, когда рекламируют туры, которые по прогнозам могут пользоваться большим спросом. Например, когда летом приглашают туристов в зимний лыжный тур на модные зарубежные курорты. В этом случае доминирует значение 'что-либо срочно решить', однако во фраземе теряется сема 'в последнюю минуту', и отсутствует ассоциативное значение 'что-либо приобрести по выгодным ценам'.

2.2.3. В текстах на криминальную тематику по аналогии с *горячими телефонами* встречается выражение *горячее видео* (это камеры слежения, находящиеся в распоряжении милиции, с помощью которых «по горячим следам» можно поймать правонарушителей). В этом новом словосочетании сгущаются метафорические компоненты семантики слова *горячий*: непосредственная связь (в данном случае с помощью видео), обеспечивающая возможность быстрой реакции (вмешательства милиции).

2.3. В 90-е годы стали модными иносказательные номинативные выражения *желтая пресса*, *желтая печать* (калька английской фраземы *yellow press*), когда и в России начали появляться бульварные газеты, которые

в Советском Союзе были недоступны, даже немислимы. (См. в наши дни *Желтая газета* и др.) Первое значение выделенных фразем, указанное в БТС, – ‘продажный, соглашательский’ (Кузнецов 1998: 302). Это идеологизированное значение сохранилось от советских времен, когда фразема *желтая пресса* имела негативную коннотацию, обозначая бульварно-сенсационную буржуазную прессу. Судя по нашим материалам, идеологизированность этого словосочетания исчезла, и его первое значение полностью вытеснено вторым значением, т.е. семой ‘низкопробный’ (Кузнецов 1998: 302). За этими фраземами закрепилось значение ‘бульварный, пошлый, некачественный, скандальный’, однако, выйдя из рамок названных фразем, слово *желтый* стало сочетаться и с другими существительными. Журналисты, как правило, в новых фразеологизированных словосочетаниях слово *желтый* употребляют в кавычках, указывая таким образом на его переосмысленное (метафорическое) значение: *нет «желтых» тем, есть «желтое» исполнение*. Как видим, в ходе употребления расширяется семантика слова, вследствие чего смягчается пейоративный оттенок значения ‘низкопробный’ до значения ‘недостаточно высококачественный, талантливый’. В подобном контексте производное *желтизна* в переносном смысле приобретает то же самое значение: *в фильмах взаимозависимость рейтинга и желтизны не обязательна* (АиФ 2007, № 49, с. 21). Другими словами, не только коммерческие, но и художественные фильмы могут быть популярными.

2.4. В газетной метафорике для повышения экспрессии часто используется лексика, связанная со спортом, военная, метеорологическая лексика и т.п. Нам хотелось бы остановиться на некоторых примерах употребления медицинской лексики, или пользуясь терминологией А.П. Чудинова (2001), на примерах антропоморфной метафоры.

«Программа из-за *транспортного коллапса* [...] не состоялась» (АН 2008, № 22, с. 5). В этом высказывании в «морбиальной метафоре» (термин Чудинова) прилагательное сохраняет свое исходное значение и переосмысливается определяемое слово, приобретая значение ‘тотальная неразбериха, пробки и т.п.’. *Парализация производства* отмечалась в газетах уже несколько лет назад (Правда 2004). *Засилье левых лекарств*, в значении ‘незаконно производимых’ и распространение «*зловредных*» *таблеток* описывалось в прессе в 2008 году (АН 2008, № 22, с. 15). В следующем высказывании «Наш *чахоточный федерализм* мало на что годится» выделяемое метафорическое единство образно передает слабость, болезненность федеральной системы и в грубоватой форме выражает негативную оценочность (НВ 2000, № 2, с. 11). В последних трех примерах мотивирующим словом метафоры является прилагательное, а в предыдущих примерах эту роль исполняют существительные, обозначающие медицинские понятия.

В аналитической статье об опыте выборов было написано: «выявлены около 20 „патологий“ и дюжина спорных ситуаций» (АиФ 2003). В медицинских текстах этот термин во множественном числе встречается со значением: ‘болезненные процессы, отклонения от нормы, ненормальность в организме’, и, как правило, сопровождается словом, указывающим на место проявления этих явлений, например, *патологии сердца*. В нашем случае *патология*, вне медицинского контекста, лишается дополнения и приобретает значение ‘аномалия, сильное нарушение правила, незаконность’ и в таком смысле употребляется уже во множественном числе. Метафоризированный медицинский термин усиливает экспрессию высказывания.

Сема ‘ранимый’ в лексеме *уязвимый* в определенном контексте вследствие семантической модификации обозначает ‘находится под угрозой заболеваний, легко поддается разным болезням’. Вне обычной тематики этот семантический оттенок дополняется значением ‘социально незащищенный’, например, *уязвимые контингенты населения*. (Это – наркоманы, бомжи и под.)

2.5. Понятие «лингвоэкология» появилось уже в 1988 году (Скворцов 1988). Проблематикой экологии языка В.Г. Костомаров тоже занимался в своей книге *Языковой вкус эпохи* (1994: 107). Сочетаемостные способности слов *экология*, *экологичный*, *экологический* оказались до наших дней неисчерпаемыми. Вот примеры из нашей «коллекции»: *экология души человека*, *экологическое благополучие*. Эти словосочетания можно истолковать как соблюдение чистоты, правил, соответствие нормам окружающей социальной сферы и душевной жизни, как условия душевной гармонии, благополучия. Однако не поддается однозначному толкованию такое высказывание: *были использованы экологические цвета* (на презентации модной одежды). Это может быть натуральные цвета, имеющиеся в природе, что отражает сужение семантики слова *экология*.

2.6. Рассмотрим несколько «бытовых метафор». О типичных американских частных малоэтажных домах легкой структуры пишут: «сэндвичевые» дома, «сэндвичевые» коттеджи, или пользуясь более традиционной лексикой, жилые «бутерброды» (АН 2008, № 22, с. 13). Мотивирующие слова (*сэндвич/бутерброд*) указывают на внешнее сходство двух реалий (дом–сэндвич), на их плоскость, легкость, преходящее существование. Слова, которые во фраземах переосмысляются, как правило, стоят в кавычках. То же самое наблюдается при употреблении слов *сэндвич/бутерброд*, приобретших новый смысл в «домостроительной тематике».

В следующем примере непривычное определение слова *эмигрант* имеет грубоватую и явно негативную оценочность: *На смену «колбасным» эмигрантам снова идут политические?* (МН 2003, № 48, с. 13). «Колбасные» эмигранты уехали из России явно только ради материальных благ.

Слово *лифт* вследствие приращения к нему значения другого семантического поля приобретает смысл 'возможность изменить социальное положение, возможность выйти из социального тупика': *дворовая «бригада» действует как социальный лифт*. Слово *бригада* неслучайно стоит в кавычках, оно тоже переосмысливается, приобретает негативную оценочность, и по значению равняется со словом *банда*.

2.7. Посмотрим, как осваивается известное жаргонное слово *крыша* в публицистической речи. Заметим, что в *Словаре московского арг* *крыша* имеет лишь значение 'голова, мозги, ум' (Елистратов 1994: 217). По БТС исследуемое нами слово в жаргоне имеет следующие переносные значения: 'охранное предприятие, обеспечивающее защиту предпринимателя от вымогательства', далее 'преступная группировка, оказывающая на определенных условиях покровительство кому-л.' (Кузнецов 1998: 476). Данное слово с метафорическим значением стало широко употребляться журналистами, как правило, в связи с криминальными темами. По нашим наблюдениям, во второй половине 90-х годов оно стало объединять два указанных прагматических компонента и стало в более широком смысле обозначать разные формы прикрытия незаконных дел. Интересно заметить, что по словарю Складневской (1998: 345) в формулировке данного слова, вопреки примерам, отсутствует указание на то, что в таких случаях прикрывается, как правило, чья-то преступная деятельность. По определению этого словаря *крыша*: 'прикрытие, то, что охраняет, защищает от опасности'. По Складневской, это слово с переносным значением имеет разговорную стилистическую окраску, что указывает на освоение жаргонизма кодифицированной устной речью.

Признаком освоения данного слова носителями языка является его участие в деривационном процессе. В связи со скандалом внутри ФСБ в 2008 году обвиняли ее сотрудников в «*крышевании*» бизнеса, то есть в скрывании незаконных бизнес-акций (АН 2008, № 22, с. 2). В данном производном слове суммируются семы слова *крыша*, при этом доминирует значение 'прикрытие незаконности', кроме этого подразумевается процессуальность такого действия, длительность противозаконной деятельности и более изощренная форма нарушения закона. На новизну, стилистическую чужеродность слова указывает его употребление в кавычках.

3. Бесспорно одной из важных примет современного газетного дискурса является его богатая метафорика, на основе которой складывается новая публицистическая фразеология. С помощью наших примеров нам хотелось оттенить этот процесс и указать на возможные источники этих явлений. Новые фразеологизированные словосочетания могут опираться как на английские, так и на жаргонные фраземы, которые, попадая в новый контекст, часто переосмысливаются или видоизменяются. Независимо от сферы их основного бытования, эти фраземы и отдельные метафоризированные

слова (будь это туристическая сфера или экономическая тематика) являются воплощением тенденций, наблюдаемых в газетном дискурсе. Это прежде всего стремление к максимальной языковой экономии, что, конечно, является неотделимым атрибутом, жанровым критерием современных новостных материалов, тем более (туристических) объявлений. С другой стороны эта особенность публицистических текстов мотивируется и влиянием устной разговорной речи, элементы которой, начиная с конца 80-х годов, все интенсивнее вторгаются в публицистическую речь.

Метафоры, как мы видели и в наших примерах, – это сгустки разнообразных и сложных смыслов, способные сжато, образно и эффективно воплотить порой то, что в толковых словарях излагалось бы в нескольких предложениях. В целом они и подобные семантико-стилистические средства служат повышению экспрессии газетных текстов то углубляя, то модифицируя информативную сторону высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

- Елистратов, В.С. 1994, *Словарь московского аргю*. Москва: Русские словари.
- Земская, Е.М. (ред.) 1996, *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры.
- Кожевникова, О.С. 2005, Параонтологические риторические приемы в языке газет. *Русская речь* № 5, 75–77.
- Костомаров, В.Г. 1994, *Языковой вкус эпохи*. Москва: Педагогика-Пресс.
- Кузнецов, С.А. (ред.) 1998, *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Левашов, Е.А. (ред.) 1997, *Новые слова и значения*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Мокиенко, В.М. 1998, Доминанты языковой смуты постсоветского периода. *Русистика* № 1–2, 37–53.
- Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю. 1994, *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азъ.
- Скворцов, Л.И. 1988, Культура языка и экология слова. *Русская речь* № 4, 3–9.
- Скляревская, Г.Н. (ред.) 1998, *Толковый словарь русского языка конца XX в.* Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.
- Сковородников, А.П. 2004, Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет. *Русская речь* № 6, 68–76.
- Чудинов, А.П. 2001, Россия в метафорическом зеркале. *Русская речь* № 1, 34–41.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА
EGY CSALÁDREGÉNY VÉGE (КОНЕЦ СЕМЕЙНОГО РОМАНА)
С ВЕНГЕРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Мартина Каталин Сабо

(Szabó Martina Katalin, szabomartinakatalin@gmail.com)

1. Предмет и цель работы

Лауреат премии Франца Кафки Петер Надаш (Nádas Péter) считается одной из выдающихся фигур европейской культуры (Дубин 2004: 5).

Роман *Egy családregény vége* (Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1981), собственно говоря, первый синтез этого автора. Язык романа характеризует эпическая многослойность (Lőrincz 1984: 11), что делает палитру автора чрезвычайно богатой, в числе прочего и благодаря тому, что роман насыщен многочисленными диалектными и жаргонными выражениями, а также обогащен реалиями. Это сочетание образует ткань богато структурированного, полихромного, предлагающего многочисленные толкования романа. Не случайно, что уже в конце XX века этот роман стал наиболее переводимым на иностранные языки произведением современной венгерской литературы (Ballassa 1997: 16).

Первый, и в данный момент единственный перевод романа на русский язык, *Конец семейного романа*, был выполнен Еленой Малыхиной и вышел в свет в 2004 году (Москва: Три квадрата). В настоящей работе исследуется, какими средствами переводчик стремился передать в языке перевода столь широкий авторский диапазон. Мы старались определить, в какой степени переводчик был верен тексту оригинала, или наоборот, отступал от него, были ли отступления обоснованы, встречается ли в русском тексте неточный или неправильный перевод, а также имеются ли в тексте переводческие решения, которые могут затруднять понимание. Наряду с этим мы проверили, имеются ли в романе места, где необходимо было бы изменить или снабдить объяснениями текст источника, однако переводчик этого не сделал. Особое внимание мы обращали на перевод реалий, а также на проблему возможностей переводческой компенсации.

2. Исследование художественного перевода романа в свете теории перевода

Наука о переводе как лингвистическая дисциплина возникла как ответ на вопрос о том, что является задачей перевода и что можно считать хорошим переводом (Klaudy 2007: 19). Ранние работы по теории перевода

характеризовались стремлением к «безупречности» текста перевода (Левицкая–Фитерман 1963: 21). В связи с этим многие русские авторы, среди них Федоров и Рецкер, стремились систематизировать соответствия слов и конструкций исходного языка и языка перевода (Klaudy 1997: 48). Только позднее стало ясно, что выявление и систематизация характерных для отдельных языков грамматических трансформаций недостаточны для перевода, «так как переводятся не языки, а тексты» (Albert 1983: 146). Особенно это относится к переводу художественных произведений, где желательны достижение стилистической эквивалентности на текстовом уровне (Ajtay-Horváth–Vincze 2005: 11; Konczosné Szombathelyi 2005: 65). Между тем при передаче текстов, содержащих реалии как характерные для данной культурной среды «культурно специфические» элементы (Koller 1992: 232; Tellinger 2003: 58), достижение эквивалентности на стилистическом уровне может составлять для переводчика большую трудность, чем задача сохранения содержательной эквивалентности.

2.1. Достоинства перевода

Перевод Малайхиной в большой степени стремится сохранить элементы оригинального текста, и это также относится к переводу реалий, например, в большинстве случаев в нем сохранены венгерские исторические реалии и топонимы. Во многих случаях переводчик действует весьма аккуратно, в числе прочего и при передаче слов *zsalugáter* и *poroszló*.

Немного народное слово *zsalugáter*, которое два раза встречается в романе (128, 193), Малайхина переводит словом *ставня* (98, 149), которому в словаре Хадровича и Гальди (O–M: 1607) соответствует слово *spalletta*, а в словаре Гальди и Узони (G–U: O–M, 611) наряду со *spalletta* дается и *zsalu* (т.е. *zsalugáter*). В венгерском языке слова *spalletta* и *zsalugáter*, хотя и близки, не совпадают по значению.¹ Гальди и Узони (G–U: M–O, 945) дают в качестве эквивалента данной лексики в русском языке слово *жалюзи*, которое фонетически ближе к венгерскому. Несмотря на это, следует считать более соответствующим оригиналу перевод венгерского *zsalugáter* как *ставня*: в

¹ *Zsalugáter* (несколько народное, устар.): устанавливаемая снаружи на окна или двери и сходная по форме с окном или дверью конструкция, состоящая из тонких пластин, планок, которые в опущенном состоянии накрывают друг друга, а в поднятом находятся параллельно друг другу (ср. ÉrtSz.: VII, 627); *spalletta*: устанавливаемая изнутри на окно и также как створки окна поворачивающаяся на петлях пластина обычно из наложенных друг на друга досок, предназначенная для покрытия окна и затемнения (ср. ÉrtSz.: V, 1260).

соответствии с толковым словарем русского языка значение слова *zsallugáter* гораздо ближе к слову *ставня*,² чем *жалюзи*.³

При переводе названия занятия *poroszló* (197) также выбрано правильное решение с точки зрения стилистики: данное слово попало в венгерских язык через южнославянские (< *pristav*), значение: 'привратник, гайдук' (ср. ÉrtSz.: V, 804). Хотя слово *прустав* и сейчас существует в русском языке, переводчик использовал в исследуемом тексте слово *гайдук* (153), соответствующее применявшемуся в первую очередь в Венгрии и на Балканах *hajdú* (G–U: O–M, 79).

Наряду с приведенными выше примерами о внимательности и находчивости переводчика свидетельствует также перевод Малыхиной нескольких названий блюд, которые можно считать культурно специфическими, среди прочих, например, перевод слова *kalács* (128). Хотя в языке перевода имеется фонетически почти идентичная лексема *калач*, она не может считаться соответствием венгерскому слову *kalács*,⁴ несмотря на то, что словарь Хадровича и Гальди (O–M: 547) дает эти два слова как эквивалентные.⁵ *Калач* означает пшеничную булку (СРЯ: II, 20), т.е. здесь можно говорить о межъязыковом лексическом омониме. Поэтому переводчик *Конца семейного романа* передает слово *kalács* лексемой *сдоба* (99).

Все без исключения сказочные начала романа передаются Малыхиной достаточно эквивалентно как с семантической, так и со стилистической точки зрения, эти словосочетания также заслуживают внимания с точки зрения переводческой компенсации.⁶ Наиболее интересным, пожалуй, является решение перевода следующего отрывка:

² *Ставня*: дощатая или металлическая створка для прикрытия окна (СРЯ: IV, 244).

³ *Жалюзи* (нескл., ср.): солнцезащитные воздухопроницаемые ставни из узких, укрепленных наклонно, неподвижных пластинок (или поворачивающихся, расположенных параллельно друг к другу), а также шторы из узких пластинок, связанных между собой (франц. *jalousie*) (СРЯ: I, 471).

⁴ *Kalács*: 1. Сходная по приготовлению с хлебом (но обычно заплетенная и смазанная белком яйца), приготовляемая из тонкой муки с молоком, часто с маслом, яйцами и сахаром выпекаемая на противне выпечка; 2. (нар.) приготовляемая из теста, приправленная или с начинкой (обычно цилиндрической формы) выпечка (ср. ÉrtSz.: III, 707).

⁵ Словарь Гальди и Узони (G–U: M–O, 404) уже дает в качестве эквивалента слова *kalács* выражение *сдобная булка*.

⁶ В процессе перевода оригинальный текст несет неизбежные потери, когда переводчик вынужден довольствоваться менее интересными, менее идиоматическими решениями в тексте перевода (Konczosné Szombathelyi 2005: 64). Эти потери по возможности переводчик может компенсировать эффектными, идиоматическими

- (1) *Hol volt, hol nem volt, túl az Óperencián, volt egyszer két csizma. Egyik csizma párja volt a másiknak* [выделено – М.К.С.]. (18) Дословный перевод: *Было то или не было, за морем-океаном однажды жили два сапога. Один сапог был парой другого.* → *Было то или не было, за морями за лесами жили-были сапоги. Два сапога – пара.* (16)

В данном случае переводчик применяет весьма остроумное решение: венгерское предложение переводится фразеологизмом⁷ *Два сапога – пара*, который дословно передает значение исходного текста, однако, как фразеологизм имеет также переносное значение ‘один не лучше другого’⁸ (Молотков 1978: 407). Так как этот фразеологизм появляется в сказочном повествовании, он прекрасно сочетается с продолжением истории. Можно констатировать, что Малынина обогатила текст ценным элементом, не исказив при этом значение оригинала.

Роман Надаша богат рифмованными, ритмическими отрывками, аллитерацией, игрой слов и пословицами. При передаче таких мест переводчик также находит остроумные решения. В одном месте в романе встречается игра слов, основанная на постепенном фонетическом искажении:

- (2) *Széder este kivirágzott szederfa! Szeder este kivirágzott széderfa! Széder-virág estezette faszeder! Szederki faeste széderzott! Estekiszéder fazottszed-der! Der est ekiszé der szefazott!* (106)

Игра слов основана на почти полном совпадении в венгерском языке слов *széder* ‘канун еврейской пасхи’ и *szeder* ‘шелковица’. Малынина не переводит эти лексемы, а дает их кириллическую транслитерацию, что ведет к полной формальной идентичности двух указанных слов. Для понимания текста русскоязычным читателем дается сноска с объяснением:

- (3) *Дерево-седер расцвело в седер! * Шелкоседер вица, расцве деревица. Седерица дешел, ковица деп! Der sedras evo zwela der sered!* (82) *Игра слов: *seder* – канун еврейской пасхи; *szederfa* (венг.) – шелковица.

формами в других местах текста (Левицкая–Фитерман 1976: 202; Klaudy 1997: 286; Forgács 2004: 210).

⁷ Фразеологизмами я считаю словосочетания, отвечающие критериям постоянства, интегрированного значения, репродуктивности и полилексичности (Forgács 2007: 18–49).

⁸ Это же значение в венгерском передается выражениями *Két bolond egy pár, a Zsák meg a foltja, Egyik tizenkilenc, a másik egy híján húsz, Kezet foghatnak и Egy húron pendülnek* (Keszthelyi 1961; Т. Litovkina 2005).

Как видим, последнее предложение дано латиницей, что позволяет с помощью немецкого артикля *der*, как и в венгерском, плавно перейти к последующему немецкому тексту.

Звукоподражания и онomatопея всегда являются проблемой для перевода, редко бывает, что звукоподражательным или онomatопейным лексемам языка источника в языке перевода соответствуют сходные элементы. Хотя в переводе Малыхиной эти элементы нередко передаются стилистически нейтральными выражениями общего значения, во многих случаях она находит интересные решения. В примерах ниже можно видеть, как звукоподражательные или онomatопейные слова передаются с сохранением или даже усилением их стилистического воздействия:

- (4) *minden ütemre tudott egy jó nagyot durrantani* [выделено – М.К.С.] (196) → *при этом в такт умудрялась издавать эдакое громкое пафф* (152)
- (5) *És a mosdóban csapkod a hal, úszna, de nincs elég hely neki. Csuppogás* [выделено – М.К.С.], (126) → *А в умывальнике мечется из стороны в сторону рыба, она бы плавала, но ей мало места. Хлюп-хлюп.* (97)
- (6) *A szája, a szép, úgy tátogott, mint ennek itt* [выделение – М.К.С.], (86) → *Ее красивый рот, то и дело открывался, точь-в-точь так, как и у всякой другой рыбы.* (66)

2.2. Менее обоснованные переводческие решения

Ниже речь пойдет о переводческих решениях, которые по нашему мнению немотивированно изменяют значение исходного текста, поэтому не могут считаться обоснованными.

Слово *község* означает управляемую выборным органом самоуправления самую мелкую административную единицу (ÉKsz.: 766). В русском языке этому значению соответствует лексема *село*, поэтому нельзя считать обоснованным употребление слова *деревня*, соответствующего в венгерском слову *falu*.

Также неточно передается слово *pianínó*. Лексема *pianínó* встречается в романе два раза (135, 135). Данный в русском тексте, несмотря на наличие в русском сходного по звучанию слова, перевод *фортепьяно* или *фортепиано*⁹ соответствует венгерскому *zongora*, а не *pianínó* (О-М: 1798; G-U: О-М, 691). Точным переводом слова *pianínó* было бы *пианино* (М-О: 615; G-U: М-О, 706).

⁹ Хотя написание этих двух слов немного отличается, это варианты написания одного и того же слова.

В связи с приведенными примерами следует заметить, что здесь неточность перевода не ведет к заметному по сравнению с текстом оригинала семантическому искажению, чего нельзя сказать о примере, который мы приведем ниже. Для понимания отрывка необходимо знать, что в романе бабушка главного героя Петера Шаламона покупает рыбу, которую чистит дедушка. В процессе «вскрытия» рыбы он замечает, что рыбы живут очень долго, в подтверждение этого факта упомянув «друга» дяди Фридеша, пятидесятилетнего карпа из Шарлоттенбурга, который сообщает в письме о своем самочувствии:

- (7) *Van egy százötven éves ponty, Charlottenburgban él, és Frigyes bácsinak azt írta az idén, hogy még mindig jól tartja magát. Majd kérdezd meg tőle, ha jön, hogy mit írt a barátja! Talán megéri a kétszázat is könnyedén.* (175–176) → *Один карп в Шарлоттенбурге живет уже сто пятьдесят лет, и дядя Фридеш в этом году получил оттуда письмо, ему пишут, что карп чувствует себя прекрасно. Когда дядя Фридеш придет, сам спроси у него, что написал ему его друг! Может, карп этот запросто доживет и до двухсот лет!* (136)

В тексте источника дядя Фридеш получает письмо от самого карпа (т.е. карп и есть друг дяди Фридеша). Однако в переводе отрывок приобретает совершенно другое значение: дядя Фридеш получает письмо от друга (не от карпа), который сообщает ему, что карп чувствует себя отлично. Такое значительное отступление от текста оригинала кажется необоснованным, более того, оно наносит вред: сказочный отрывок является юмористическим, игровым элементом оригинального текста, потеря которого снизит ценность перевода.

Так же, как в предыдущем примере, ценность перевода теряется в связи с передачей следующего отрывка:

- (8) *esze az ösztön ütemére így fohászkodott: fiú legyen! legyen fiú! magom légy fiam! add Istenem!* (155) → *мозг его в ритме инстинкта молил: пусть будет сын! пусть будет сын! да породит сына семя мое!* (120)

В данном случае переводчик объединяет третье и четвертое восклицания в одно предложение. Таким образом непосредственное обращение к Богу выпадает из текста перевода. Нам кажется, что это можно считать недостатком при передаче смысла данного отрывка: Надаш рисует здесь гротескную фигуру мужчины, который даже во время полового акта отчаянно обращается к Богу с мольбой о поле своего потомства. Без пропущенной детали экспрессивная сила молитвы в переводе снижается.

Сходный результат дает перевод Малыхиной следующего отрывка, где автор пытается передать на письме особенности живой речи с помощью прерываний и остановок:

- (9) *me glátod, milyen szép, ami alatta; ezért; nehéz* (177) → *ты увидишь, какая красота под ними; потому и трудно с этими жесткими пластинками справиться* (137)

С помощью своеобразной формы Надаш прекрасно передает мучения деда при чистке рыбы, однако текст перевода настолько далеко отступает от источника, что экспрессия венгерского текста в русском переводе полностью теряется.

2.3. Недостатки перевода

Наряду с неточностями передачи текста источника, мы не раз сталкиваемся с недостатками перевода, которые по нашему мнению заключаются в отсутствии необходимых сносков с объяснениями переводчика. В большинстве случаев это связано с передачей венгерских исторических реалий. Например, переводчик не дает пояснений на имя Лайоша Кошута при первом упоминании его имени в тексте (объяснение дается только при втором упоминании):

- (10) *Itt lakik Simon Ábrahám, a csodarabbi, akit az ifjú Kossuth Lajos is felkeres* [выделено – М.К.С.]. (171) → *Здесь живет Абраам Шимон, чудо-раввин, которого в молодые годы посещает даже Лайош Кошут*. (133)

Так как упоминание имени Кошута в романе подчеркивает значение и исключительность личности раввина, а в контексте не имеется никакой информации об исторической личности Кошута, отсутствие пояснений приводит к отсутствию этой информации в тексте перевода. Также требуют пояснений переводчика и следующие отрывки, так как контекст не дает русскому читателю достаточной информации о значении упоминаемых в тексте исторических фигур:

- (11) *Egy szép napfényes vasárnapon megérkezett Budára Mátyás király. Oldalán ifjú hitvese, a Beatrix nevű* [выделено – М.К.С.]. (167) → *В один прекрасный солнечный день прибыл в Буду король Матяш. Рядом с ним молодая жена по имени Беатрикс*. (129)
- (12) *Rákosi és Gerő elvtársak* (187) → *товарищи Ракоши и Герё* (145)

2.4. Проблема утери стилистической ценности

Проведя тщательное сравнение текста источника и текста перевода можно прийти к выводу, что наибольшие трудности для переводчика представляла передача региональных и местных особенностей разговорного языка, а также архаичного словоупотребления. Чаще всего стилистические потери связаны именно с этим, так как в большинстве случаев стилистическая ценность тех выражений в языке перевода не воспроизводится. Можно привести примеры того, как диалектные формы или местный говор источника передаются формами нормативного языка. Может быть следовало бы попытаться передать эти обороты с помощью русских диалектных элементов. Например:

- (13) *Apád tudományát ösmerem, forrón tisztetem* [выделено – М.К.С.]. (147) → Мне *известна* ученость твоего отца, я глубоко его *почитаю*. (113)
- (14) *A fülemben úgy nől a szőr, ez igaz, mint sekély vízben a sás* [выделено – М.К.С.] (89) → Ухи мои *заросли* волосами, как мелководье *тростником*, это так (69)

Потеря стилистической ценности при переносе архаичных форм проявляется при переводе названий предметов одежды, что также связано с проблемой выбора слова и стилистикой. Редко лексемы языка источника передаются сходными по стилистической экспрессивности выражениями, как например, перевод слова *gúnya* (48) словом *тряпе* (39). В большинстве случаев архаичные венгерские выражения Малахия передает стилистически нейтральными, широко употребительными словами. Так происходит, например, при переводе встречающегося в венгерском литературном языке устаревшего слова *föveg*¹⁰ (11): *шапка* (10); также несет стилистические потери перевод слова *kalpag*¹¹ (168), где Малахия применяет описательный перевод: *меховая шапка* (130).

Наиболее удачным, пожалуй, при передаче местных и жаргонных элементов можно считать передачу сленга. Для примера возьмем следующий отрывок, для понимания которого следует знать, что дети в романе играют в ролевые игры, где «родители» рассказывают сказки «детям». Вот отрывок такого рассказа:

¹⁰ *Föveg* (устар., лит.): Обычно мужской головной убор (ср. ÉrtSz.: II, 932).

¹¹ *Kalpag* (устар.): меховой головной убор без полей, иногда со свисающим на сторону верхом, обычно украшенный пером или букетом (ср. ÉrtSz.: III, 716).

- (15) „Egyszer egy nő, akit Kleopátrának hívtak, nagy melegben feküdt a szobájában. *Megverjelek?* Feküdt a szobájában az ágyán. [...] Mit akarsz kígyó? – kérdezi tőle a Kleopátra nevű nő. Jöttem, hogy szolgálatozdra legyek – sziszegi a kígyó. Szép tőled – mondja a *spiné* –, de nekem már van szolgám, száz is! Olyan szolgát aztán nem találsz, amilyen én vagyok! Miért, mit tudsz te kígyó? – kérdezi a *spinkó*.” „Ne így mondd, hanem rendesen, a nevén!” „Kuss! Szóval a *csaj* azt kérdezi, mit tudhat a kígyó, amit az ő szolgálái nem tudnak” [выделено – М.К.С.]. (20) → «Как-то раз женщина по имени Клеопатра лежала у себя в комнате, стояла страшная жара. *Что ты ерзаешь, может, отишлепать тебя?* Она лежала в своей спальне на кровати. [...] *Что тебе нужно, змея?* – спрашивает Клеопатра. Я пришла послужить тебе, – прошипела змея. – Спасибо тебе, – ответила ей эта *баба* – только есть у меня слуга, да не один, а целая сотня! Но все же такого слуги, как я, тебе не найти! Это почему же? *Что ты умеешь такого особенного, змея?* – спрашивает *бабешка*.» «Не хочу я, чтобы ты ее так называл! Называй, как полагается, по имени.» «А ну, помалкивай! Словом, *девчонка* спросила змею, что она умеет такое, чего не умели бы ее слуги.» (17–18)

Слово из венгерского сленга *spiné* переводчик передает стилистически фамильярной лексемой *баба* (17). Также слово *csaj* передается фамильярным пейоративным *девчонка* (18). Слово *бабешка* (18) идеально передает венгерское слово *spinkó*, т.е. искаженную форму слова *spiné*. Заслуживает внимания также перевод однословного вопроса-угрозы:

- (16) *Megverjelek?* → *Что ты ерзаешь, может, отишлепать тебя?* (17)

В данном случае переводчик раскрывает значение инкорпорированного венгерского личного местоимения ‘тебя’. Это требуется из-за синтетического характера венгерского языка, в то время как для русского характерны скорее аналитические формы выражения (Klaudy 1997: 385–386).

3. Итоги и выводы

В ходе исследования было установлено следующее: Контрастивное сравнение текста источника и перевода выявило многочисленные примеры того, что переводчик добросовестно пытался выполнять перевод с соблюдением полной эквивалентности. Переводчик в полной мере стремился к сохранению исходного текста: с одной стороны, учитывая культурную роль реалий, Малыгина в большинстве случаев сохраняет их в переводе, что мы видели на примерах передачи венгерских исторических реалий; с другой сто-

роны, мы обнаружили лишь несколько случаев пропуска в переводе текста источника, в большинстве же случаев она стремилась передать в русском тексте даже самые сложные с точки зрения перевода выражения. Связанные с этим трудности понимания переводчик старался устранить с помощью сносок с объяснениями. При этом во многих случаях, например, при переводе названий блюд, сказочных оборотов, а также звукоподражаний и ономастопеи переводчик находит весьма остроумные решения.

Следует упомянуть также, что несмотря на все усилия переводчика, в некоторых случаях текст перевода несет различные потери, особенно при передаче диалектных форм и местного говора, а также архаичных отрывков; стилистическая ценность этих элементов не воспроизводится в переводе. При этом текст перевода содержит решения, которые не кажутся нам достаточно обоснованными и правильными. Кроме того, в нескольких случаях отсутствуют необходимые в случае данного исходного текста объяснения переводчика, или данные объяснения недостаточно информативны для того, чтобы русский читатель мог интерпретировать текст перевода в соответствии с текстом источника.

Однако, следует учитывать тот факт, что переводчик часто применяет для компенсации потерь при переводе весьма остроумные решения, которые позволяют в большинстве случаев сохранить равновесие между исходным текстом и текстом перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Дубин, Б. 2004, *У дверей времени*. В кн.: Надаш, П., *Конец семейного романа*. Перевод: Е. Малыхина. Москва: Три квадрата, 3–6.
- Левицкая, Т.Р. – Фитерман, А.М. 1963, *Теория и практика перевода с английского на русский*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках.
- Левицкая, Т.Р. – Фитерман, А.М. 1976, *Проблемы перевода: На материале современного английского языка*. Москва: Международные отношения.
- Молотков, А.И. 1978, *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- СРЯ – Евгеньева, А.П. (ред.), *Словарь русского языка I–IV*. Москва: Русский язык, 1981–1984, 2-е изд., испр. и доп.
- Ajtay-Horváth, Magda – Vincze, Katalin 2005, A fordítás fordítása [Перевод перевода]. В кн.: Dobos, Csilla – Kiss, Ádám (ред.), „Mindent fordítunk és mindenki fordít”: *Értékek teremtése és közvetítése a nyelvészetben*. Bicske: Szak Kiadó, 11–16.
- Albert, Sándor 1983, A fordítás elmélete és gyakorlata Európában a 70-es évek végén – 80-as évek elején [Теория и практика перевода в Европе в конце 70-х – на-

- чале 80-х годов]. В кн.: Róna-Tas, András (ред.), *Szegedi Bölcsészmuhely '82*. Szeged: JATE Kiadó, 143–158.
- Balassa, Péter 1997, *Nádas Péter* [Петер Надаш]. Pozsony: Kalligram Könyvkiadó.
- ÉKsz. – Pusztai, Ferenc (гл. ред.), *Magyar értelmező kéziszótár* [Венгерский толковый словарь]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003, 2-е изд., перераб.
- ÉrtSz. – Bárczi, Géza – Országh, László (гл. ред.), *A magyar nyelv értelmező szótára I–VII* [Толковый словарь венгерского языка I–VII]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959–1962.
- Forgács, Erzsébet 2004, Gömböc, hamuban sült pogácsa, kutyanyelven takarékpersely, vörös nyakkendő és eszemká... Avagy: reáliák és fordításuk Garaczi László lemúriáiban [Фрикаделька, пышки (погачи), запеченные в золе, копилка с собачьим языком, красный галстук и родительский комитет... Или: реалии и их перевод в лемуриях Ласло Гараца]. В кн.: Bernáth, Árpád – Bombitz, Attila (ред.), *Miért olvassák a németek a magyarokat? Befogadás és műfordítás*. Szeged: Grimm Kiadó, 190–222.
- Forgács, Tamás 2007, *Bevezetés a frazeológiába: A szólás- és közmondáskutatás alapjai* [Введение в фразеологию: Основы исследования пословиц и поговорок]. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- G–U: M–O – Gáldi, László – Uzonyi Pál (гл. ред.), *Magyar–orosz szótár. Венгерско-русский словарь*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.
- G–U: O–M – Gáldi, László – Uzonyi, Pál (гл. ред.), *Orosz–magyar szótár. Русско-венгерский словарь*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.
- Keszthelyi, Ernő (ред.) 1961, *Russzicizmusok: 5000 orosz szólás és kifejezés* [Русцизмы: 5000 русских поговорок и выражений]. Budapest: Terra Kiadó.
- Klaudy, Kinga 1997, *A fordítás elmélete és gyakorlata* [Теория и практика перевода]. Budapest: Scholastica Kiadó.
- Klaudy, Kinga 2007, *Magyar fordítástudomány a 19. században: Brassai Sámuel nézetei a fordításról* [Венгерская наука о переводе в XIX веке: Взгляды Шамуэля Брашшаи на перевод]. В кн.: Klaudy, Kinga, *Nyelv és fordítás: Válogatott fordítástudományi tanulmányok*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 19–26.
- Koller, Werner 1992, *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg: Quelle und Meyer.
- Konczosné Szombathelyi, Márta 2005, *Fordítástudományi vita a magyar nyelvújítás előterében: A Rájniss–Révai kontra Baróti–Batsányi vita* [Дискуссия о переводе в предверии обновления языка: Спор Райниша–Реваи против Бароти–Батшани]. В кн.: Dobos, Csilla – Kiss, Ádám (ред.), *„Mindent fordítunk és mindenki fordít”: Értékek teremtése és közvetítése a nyelvészetben*. Bicske: Szak Kiadó, 61–66.
- Lőrincz, Judit 1984, *A megközelítés fokozatai: Nádas Péter családregejének hatásvizsgálata* [Степени приближения: Исследование воздействия семейного романа Петера Надаша]. Budapest: Művelődéskutató Intézet.
- M–O – Gáldi, László (гл. ред.), *Magyar–orosz szótár* [Венгерско-русский словарь]. Budapest: Akadémiai kiadó, 1976.
- O–M – Hadrovics, László – Gáldi, László (сост.), *Orosz–magyar szótár. Русско-венгерский словарь*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959, 2-е изд., перераб. и доп.

- T. Litovkina, Anna (ред.) 2005, *Magyar közmondástár: Közmondások értelmező szótára példákkal szemlélítve* [Венгерские пословицы: Толковый словарь пословиц с примерами]. Budapest: Tinta Könyvkiadó.
- Tellinger, Dusan 2003, A reáliák fordítása a fordító kulturális kompetenciája szemszögéből [Перевод реалий с точки зрения культурной компетенции переводчика]. *Fordítástudomány* 5, № 2, 58–70.

Перевод с венгерского А. Заварзина

РЕЦЕНЗИЈА

G. Neweklowsky (Hrsg.): Bosanski – hrvatski – srpski / Bosnisch – Kroatisch – Serbisch: Aktuelna pitanja jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 57.) Wien, 2003, 326 pp.

1852. godine održan je čuveni Bečki dogovor na kojem je usvojen termin *standardni srpskohrvatski ili hrvatskosrpski jezik*. Zanimljiva koincidenija je da su se 2003. godine upravo u Beču sastali slavisti kako bi sada, posle jednog i po stoleća postojanja zajedničkog jezičkog standarda Bošnjaka, Crnogoraca, Hrvata i Srba, usaglasili stavove u vezi sa razlikama jezika navedenih naroda. U vezi sa tim, Ljubomir Popović u svom radu iznosi srpskohrvatski paradoks koji se sastoji u tome da je pedesetih godina XX veka postojao jedan standardni srpskohrvatski jezik ustanovljen na Novosadskom dogovoru 1954. godine, a početkom XXI veka imamo tri zasebna standardna jezika: bosanski, hrvatski i srpski.

Usled novonastale jezičke situacije na južnoslovenskom jezičkom području uvode se novi termini i nove definicije u vezi sa pitanjima jezika, pa tako i neki radovi na ovoj slavističkoj konferenciji govore o tome. Radove lingvista, koji su učestvovali na ovoj konferenciji, mogli bismo, po tematici, podeliti u nekoliko skupina. To su:

- lingvistički radovi u kojima se pokušavaju razrešiti neki teorijski problemi u nauci o jeziku nastali promenom situacije na jezičkom prostoru bivše Jugoslavije (usled političkih promena na tim prostorima) stvaranjem novih država i time novih jezičkih standarda;

- radovi u kojima se daje retrospektiva standardnog srpskohrvatskog ili hrvatskosrpskog jezika;

- radovi koji govore o aktuelnom stanju jezičkog standarda na području bivše Jugoslavije;

- radovi koji govore o bosanskom/bošnjačkom jeziku i

- jedan rad o standardnom jeziku Crnogoraca.

Teorijskim pitanjima i problemima bave se: Dalibor Brozović (Zagreb) u radu Genetsko-lingvistički i sociolingvistički kriteriji u sistematizaciji južnoslovenskih idioma s posebnim obzirom na Bosnu i Hercegovinu, Barbara Kuzmann-Müller (Berlin) u radu Novi standardni jezici u jugoistočnoj Evropi, Svein Mønnesland (Oslo) u radu O pojmu “dijasistem” i Milan Šipka (Sarajevo) u radu pod naslovom Jezik Bošnjaka, Hrvata Srba i Crnogoraca – problem klasifikacije i nominacije idioma.

Retrospektivom standardnog srpskohrvatskog ili hrvatskosrpskog jezika bave se: Branislav Brborić (Beograd) u radu pod naslovom Standardni jezik i jezički standard: aktuelne perspektive, Radoslav Katičić (Beč) u radu Poslije godine 1990.: prijelom i trajanje u standardu i književnojezičnoj porabi južnoslavenskoga

izgrađenog prema novoštokavskome narječnom predlošku, Ivan Klajn (Beograd) u svom radu *Normativna lingvistika u Srbiji danas*, Gerhard Neweklowsky (Beč) u radu *Tradicijska i promene u južnoslovenskim jezicima*, Ljubomir Popović (Beograd) u radu pod naslovom *Od srpskohrvatskog do srpskog i hrvatskog standardnog jezika: srpska i hrvatska verzija* i Slobodan Remetić (Beograd) u radu *Put do standardnog jezika kod Srba i Hrvata: sličnosti i razlike*.

Aktuelnim stanjem jezičkih standarda Bošnjaka, Hrvata i Srba bave se u svojim radovima: Dunja Brozović-Rončević (Zagreb) u radu pod naslovom *Ojkonimska preimenovanja na području Hrvatske, Bosne i Hercegovine, Crne Gore i Srbije nakon godine 1990*, Swenn Gustavsson (Uppsala) u radu *O trima "srednjojužnoslovenskim" gramatikama*, Andrea Zorka Kinda-Berlakovich (Beč) u radu *Gradišćanski hrvatski prema hrvatskom standardu*, Anna Plotnjikova (Moskva) u radu *Istočnosrpski govori u odnosu na standardni srpski jezik*, Milorad Radovanović (Novi Sad) u radu *Srpski jezik na početku milenijuma: inventar eksternih i internih pitanja* i Hanka Vajzović (Sarajevo) u radu *Sociolingvistički status orijentalizama u bosanskom, hrvatskom i srpskom jeziku*.

O bosanskom jeziku pisali su: Werner Lehfeldt (Göttingen) u radu *O stanju kodifikacije bosanskog jezika*, Rašid Durić (Bochum) u radu *Školski rječnik bosanskog jezika Dževada Jahića i standardizacija leksike u bosanskom jeziku na opštekomunikacijskoj razini*, Jagoda Jurić-Kappel (Beč) u radu *Bosanski ili bošnjački*, Ivo Pranjković (Zagreb) u radu pod naslovom *Oko gramatike bosanskoga jezika* i Naila Valjevac (Sarajevo) u radu *Bosanski standardni jezik i njegova proizvodijska norma*.

O crnogorskom jeziku, odnosno o crnogorskoj jezičkoj standardizaciji piše Branislav Ostojić (Nikić) u svom radu pod naslovom *Crnogorski književnojezički izraz u procesu standardizacije Vukova modela književnog jezika danas*.

Da se primetiti da radovi nekih lingvista sa prostora bivše Jugoslavije, u kojima oni pišu o jeziku svoga naroda u odnosu na druge narode, sadrže određenu dozu pristrasnosti zbog čega bi se mogla dovesti u pitanje njihova objektivnost. Za radove lingvista iz drugih evropskih zemalja moglo bi se reći da su u velikoj meri nepristrasni u odnosu na radove lingvista sa prostora bivše Jugoslavije. Verovatno iz razloga što su oni, kada je reč o problemima bivše Jugoslavije, posmatrači sa strane, a ne direktni učesnici razmirica i kao takvi na objektivniji način raspravljaju o aktuelnim jezičkim pitanjima.

Kada je reč o pristrasnosti, navedimo nekoliko autora i njihove radove. Branislav Brborić u svome radu u velikoj meri politizira u korist Srba i Srbije i žali se na Hrvate, na njihove stavove i delanje u vezi sa zajedničkim standardnim jezikom za vreme postojanja nekadašnje Jugoslavije. U radu Ivana Klajna uočljiv je negativan stav prema Austrougarskoj monarhiji (već ukorenjen u Srbiji, nezavisno od lingvistike) kada, sa negativnom konotacijom, piše o obaveznoj regulaciji svih oblasti života u Austrougarskoj monarhiji. Ljubomir Popović i Slobodan

Remetić, umesto nacionalnog hrvatskog imena upotrebljavaju na nekim mestima naziv katolici štokavci ili katolici na prostoru između Slovenije i Bugarske, što je kod nekih lingvista iz Srbije prisutno još od ranije (pa i kod Pavla Ivića). Ovakvom imenovanju jednog naroda, odnosno namerno izbegavanje upotrebe njegovog imena ne bi trebalo imati mesta u naučnim lingvističkim razmatranjima, jer se time nagoveštava lični stav autora prema drugom, u ovome slučaju, hrvatskom narodu, pa čak i poricanje postojanja hrvatskog naroda, a time onda i prava Hrvata na svoj zaseban standardni jezik. Iz vrlo preglednog rada Ljubomira Popovića može se zaključiti da je stav uvaženoga srpskog lingviste Pavla Ivića umnogome radikalniji u odnosu na stav hrvatskoga lingviste Dalibora Brozovića u vezi sa pitanjem srpskog i hrvatskog jezika, odnosno jednosti ili posebnosti jezika kao dijasistema i u vezi sa srpskim i hrvatskim jezičkim standardom. Takođe se da primetiti da se stav Pavla Ivića prema zajedničkom jeziku Hrvata i Srba, kako kao prema dijasistemu, tako i prema standardnom jeziku uveliko promenio u odnosu na njegov nekadašnji stav – stav od pre nemilih političkih promena na prostorima bivše Jugoslavije. Pavle Ivić više ne priznaje nikakvu jezičku jednost Hrvata i Srba. Za Dalibora Brozovića moglo bi se reći da je u priličnoj meri objektivan u prikazivanju aktuelne jezičke situacije – kako u prikazu aktuelne jezičke situacije, tako i u prikazu retrospektive standardizacionih procesa jezika Srba i Hrvata. U vezi sa tim, Brozović uvodi dva nova termina u slavistiku: *srednjojužnoslovenski dijasistem* umesto termina *srpskohrvatski ili hrvatskosrpski jezik* i *standardna novoštokavština* umesto nekadašnjeg termina *standardni srpskohrvatski ili standardni hrvatskosrpski jezik* za obeležavanje dve varijante istog standarda.

Bosanski lingvisti pišu o postojanju bosanskog, tj. bošnjačkog jezika, ali posle svakog njihovog argumenta u korist posebnog bosanskog, tj. bošnjačkog jezika nameće se pitanje da li na osnovu navedenih argumenata o njemu stvarno može biti reči – na primer: na osnovu prepoznatljive melodije bosanskog jezika kako u svom radu piše Naila Valjevac ili na osnovu orijentalizama na koje se poziva autor Školskog rječnika bosanskog jezika, Dževad Jahić, na koji se, u svome radu, vrlo objektivno osvrće Rašid Durić. Pomenuti rad Naile Valjevac, u stvari, predstavlja snažnu želju za prikazivanjem bosanskog jezika kao zasebnog jezika, vrlo pretenciozno, ali bez pravih jezičkih argumenata, koji su često čak i kontradiktorni. Naila Valjevac s jedne strane iznosi dugu tradiciju bosanskoga jezika, a sa druge strane karakteriše ga kao vrlo mlad jezik. Najobjektivniji prikaz stanja bosanskog jezika dali su, u svojim radovima o njegovoj kodifikaciji Werner Lehfeldt i Rašid Durić. Na problem stvarne jezičke argumentacije posebnosti jezika i jezičkog standarda nailazimo i u radu Branislava Ostojića o standardizacionim procesima crnogorskog književnojezičkog procesa.

Većina lingvista sa ovog slavističkog susreta slaže se u tome da su bosanski, hrvatski i srpski novostvoreni standardni jezici simbol, odnosno amblem svoga naroda više nego što su posebni jezici – da imaju simboličku funkciju. O

tome piše Rašid Durić o bosanskom jeziku u svom radu o Školskom rječniku bosanskog jezika Dževada Jahića i standardizaciji leksike u bosanskom jeziku, Swenn Gustavsson u svom radu O trima "srednjojužnoslovenskim" gramatikama i Werner Lehfeldt u svom radu o bosanskom jeziku. Milan Šipka u svom radu o problemu klasifikacije i nominacije idioma jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca, piše o podvajanju jezika na simboličkoj ravni. U njemu daje kratak, ali vrlo jasan, nepristrasan i objektivan prikaz promene stavova istaknutih lingvista (Pavla Ivića, Dalibora Brozovića i Dževada Jahića) pod uticajem političkih zbivanja na tlu bivše Jugoslavije. Svein Mønnesland daje političku i lingvističku definiciju jezika, piše o tradicionalnoj podeli jezika, o deljenju jezika prema stepenu razumevanja i o sociolingvističkom kriterijumu deljenja jezika. Kada je reč o deljenju srpskog i hrvatskog jezika, odnosno srpskohrvatskog ili hrvatskosrpskog standarda, Ljubomir Popović u svome radu ističe da nije bilo krize jezika već krize jezičke politike.

Ovo izdanje slavističkog almanaha o susretu evropskih slavista održanom u Beču 2003. godine sadrži različite stavove slavista sa teritorije bivše Jugoslavije o aktuelnim pitanjima jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca, koji su ponekad suprotni, ponekad pristrasni, a neki od njih su i objektivni kao i radove slavista iz drugih evropskih zemalja koji nisu opterećeni sukobom naroda bivše Jugoslavije. Almanah svakako sadrži korisne podatke o standardizacionim procesima jezika Bosanaca, Crnogoraca, Hrvata i Srba, zbog toga ga preporučujem lingvistima koji se bave problemima srednjejužnoslovenskog jezičkog područja i standardne novoštokavštine i, svakako, studentima slavistike pri njihovom proučavanju standardizacije jezika Bošnjaka, Crnogoraca, Hrvata i Srba, u okviru predmeta standardizacije jezika, jer, i pored mnogih subjektivnih ocena, sadrži vrlo pregledne prikaze standardizacionih procesa i najnovija razmatranja, tj. najaktuelnije stavove lingvista o ovoj problematici.

Hajnalka Firisz
(Firisz Hajnalka, ELTE, Szlav Filológiai Tanszék
H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, издающемся Институтом славистики Сегедского университета (Венгрия), публикуются работы (объемом макс. до 12 страниц) по вопросам теоретико-описательного, сравнительно-исторического исследования славянских языков, а также сопоставления их с венгерским языком на английском, немецком, русском и других славянских языках. Рукописи присылаются в редакцию по адресу: **Bibok Károly, Szegedi Tudományegyetem, Szláv Intézet, H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. kbibok [at] lit.u-szeged.hu.** Рецензирование рукописей – в случае, если автор пишет не на родном языке – входит в обязанность автора. Рукописи, посланные в другие редакции или уже опубликованные, не принимаются. Авторам опубликованных рукописей бесплатно высылаются по 10 оттисков статей/рецензий. Корректур авторам не высылаются. Рукописи не сохраняются и не возвращаются.

Рукописи должны быть представлены в двух видах: и как файл в формате Word for Windows и как распечатанный текст. (В этом регламенте далее имеются в виду рукописи, написанные кириллицей, однако употребление латиницы в основном не изменяет порядка оформления.)

I. Заголовок статьи пишется прописными буквами. Под ним указываются имя, (отчество) и фамилия автора (на кириллице, в таком порядке без сокращений). Затем приводятся сведения об авторе для научной корреспонденции (на языке или на одном из языков страны, в которой живет автор).

При оформлении статей авторы должны руководствоваться следующими условными обозначениями:

1. Разделы и подразделы текста статьи нумеруются и им – по необходимости – даются названия.

2. Примеры длиной в целое предложение (включая примеры из художественной литературы) нумеруются и приводятся в отдельных строках. Напр.:

(1) а. Петр ушел из университета около 10 ч. утра.

б. Петр ушел из университета в начале семидесятых годов.

Ссылки на примеры такого типа в тексте оформляются так: Пример (1а) показывает, что...

Слова, словосочетания языка-объекта, входящие в состав предложений метаязыка, не нумеруются, и их принято давать курсивом. Смысловые выделения обозначаются жирным шрифтом. Для указания значений употребляются синглярные кавычки.

Знаки «-», «-» и « - », т.е. дефис, тире (без интервалов и с интервалами) отчетливо отграничиваются друг от друга. Знаки, которые не могут быть обозначены на компьютере, аккуратно оформляются ручным способом.

Любые пропуски в цитатах (из худ. или спец. литературы) обозначаются многоточием в квадратных скобках. Объясняющие вставки в цитатах, не относящиеся к оригиналу, обязательно заключаются в квадратные скобки.

3. Ссылки на литературу приводятся сокращенно, т.е. с указанием фамилии автора, года издания и страниц (если последнее необходимо) в самом тексте по следующим образцам: Ю.Д. Апресян (1986: 66–67) отмечает... В работе Ю.Д. Апресяна (1986: 66–67) отмечается... В специальной литературе (Апресян 1986: 66–67) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом см. еще Апресян 1986); Ф. Кифер (Kiefer 1983: 34) отмечает... В работе Ф. Кифера (Kiefer 1983: 34) отмечается... В специальной литературе (Kiefer 1983: 34) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом подробнее см. Kiefer 1983).

4. Подстрочные примечания имеют сквозную (консекутивную) нумерацию.

5. Список библиографических единиц, которые в сокращенном варианте фигурируют в ссылках, оформляется – под заглавием ЛИТЕРАТУРА – по следующим образцам (первые три из них служат примером для книг, а остальные в отдельности – для статей в сборниках, в ежегодных сборниках, в журналах без указания на том, в журналах с указанием на том (с сквозной нумерацией страниц в одном томе)):

Белошапкова, В.А. (ред.) 1989, *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, изд. 2-е, испр. и доп.

Kiefer F. 1983, *Az elfeltevések elmélete* [Теория пресуппозиций]. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Lakoff, G. – Johnson, M. 1980, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press.

Ружичка, Р. 1988, Скрытый субъект и пустое подлежащее. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.) *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 216–219.

Бархударова, Е.Л. 1991, Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* XXII. Szeged, 3–10.

Апресян, Ю.Д. 1986, Интегральное описание языка и толковый словарь. *ВЯ* № 2, 57–70.

Булыгина, Т.В. 1981, О границах и содержании прагматики. *ИАН СЛЯ* 40, 333–342.

Сокращения названий журналов см.: *Вопросы языкознания* 2004, № 2, 158–159. Не перечисленные там журналы даются без сокращения.

При наличии у одного автора нескольких библиографических единиц одного и того же года издания должны быть использованы (после года издания) буквы: а, б, в... или а, b, c...

Сначала приводятся публикации на кириллице по алфавиту, затем – работы на латинице.

II. Что касается рецензий, то должны быть учтены следующие отличительные черты. Название содержит полное библиографическое описание рецензируемой работы. Автор рецензии и сведения о нем указываются в конце текста. Образцы заглавий рецензий:

В.А. Белошапкова (ред.), *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, 1989, изд. 2-е, испр. и доп., 800 с.

G. Lakoff – M. Johnson, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press, 1980, xiii + 242 pp.

Szövegszerkesztés és tördelés: Majoros Henrietta

Készítette a JATEPress

<http://www2.u-szeged.hu/jatepress/>

6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.

Felelős kiadó: Dr. habil. Kocsis Mihály egyetemi docens, intézetvezető

Felelős vezető: Szőnyi Etelka kiadói főszerkesztő

Méret: B/5, példányszám: 100, munkaszám: 10/2010.